

AKI

Aki Latus

Счетовод

«Автор»

2026

Latus A.

Счетовод / А. Latus — «Автор», 2026

Быть счетоводом в роду боевых магов — удел скучный и неблагодарный. Пока твои кузены жгут фаерболами семейное состояние, ты сидишь над ведомостями, пытаясь свести концы с концами. Именно так живёт Эмиль фон Канцлер — тихий, неприметный родственник, чья магия никогда не считалась нужной. Но когда казна оказывается пуста, а двадцатилетний контракт с родом Демидовых внезапно превращается в смертельную ловушку, Эмиль отправляется в столицу. Его цель — найти в старых бумагах лазейку, спасти род от разорения и выжить. В Империи, где магическое право суровее меча, а древние договоры хранят проклятия, способные превратить человека в марионетку, Эмиль неожиданно открывает в себе редкий дар. Он видит магическую вязь там, где другие видят лишь текст. Он чувствует скрытые условия. И он может не просто исполнять контракты — он может их переписывать. Теперь за ним охотятся наёмники, продажные судьи готовы вынести ему приговор, а могущественные враги не остановятся ни перед чем.

Содержание

Налоговая декларация для боевого мага	5
Семейный совет	12
Дорога в столицу	18
Пыль минувших лет	25
Чужой среди своих	32
Гонец с того света	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Aki Latus

Счетовод

Налоговая декларация для боевого мага

Проклятая чернильница опять перевернулась.

Я успел подхватить лист бумаги, но пара капель всё же упала на уже готовый расчёт, расплзаясь фиолетовыми кляксами. Они были так похожими на внутренности тех тварей, которых мои гениальные кузены режут на тренировках...

— Дрянь, — процедил я сквозь зубы, промокая чернила рукавом.

Внезапно за окном кабинета грохнуло так, что стёкла жалобно звякнули, а с потолка посыпалась пыль. Ещё один фаербол. Уже третий за последние полчаса. Я покосился на часы — половина девятого утра. Боевые маги рода Канцлеров тренируются с похвальным усердием. Особенно когда это не их деньги летят к небесам в виде магического пламени.

Я развернул ведомость.

Статья первая. Расходные материалы для утренней тренировки боевой тройки в составе: фон Канцлер Рихтер, фон Канцлер Бертольд, фон Канцлер Людвиг. Присутствие мага-инструктора Варгуса обязательно. Примечание: наличие посторонних лиц не зафиксировано.

Я хмыкнул и вывел аккуратным почерком:

Фокусирующие кристаллы средней ёмкости (базовые) — 3 штуки. Разбиты. Списание.

Кристаллы повышенной ёмкости для отработки залпового огня — 2 штуки. Полная разрядка. Износ сто процентов. Списание.

Масло для магических клинков (очищенное, лавандовое) — флакон. Сожжён.

Пыльца огненного мха — 50 граммов. (Расход: создание фаерболов. Сверхнормативный перерасход на двести процентов согласно визуальным наблюдениям).

Аренда полигона — час. (Тариф утренний).

Я подвёл промежуточный итог и присвистнул. Цифра получалась неприличная. Рихтер сотоварищи спалили ресурсов на сумму, равную месячному жалованью трёх столичных стражников. И это — до завтрака.

За окном снова полыхнуло. Я поднял взгляд и сквозь мутное стекло увидел, как над полигоном взмывает вверх огненный смерч, рассыпается на сотни искр и медленно оседает на газон, где садовник Герман три недели выращивал розы для матушки-канцлерши.

Герман точно кого-нибудь убьёт... Если уже не убил.

Я вздохнул и вернулся к бумагам. В графе «Обоснование необходимости» я старательно вывел: «Поддержание боеготовности рода согласно уставу имперской гвардии». Эта формулировка позволяла списать почти любые расходы. Почти. Дядя-канцлер, если увидит эту цифру, схватится за сердце. А потом схватится уже за меня. Порядок был такой: сначала сердце, потом я, потом кошелек рода.

Я как раз прикидывал, не размазать ли стоимость разбитых кристаллов на две недели, приплюсовав их к расходам на кухню, когда дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ударилась о стену и жалобно затрещала.

На пороге стоял Рихтер.

Он был просто прекрасен в своём варварском великолепии. Потный, растрёпанный, в расстёгнутой рубашке, открывающей мощную грудь, покрытую синеватыми разводами магического ожога. Пахло от него озоном, горелой тканью и мужским потом. Левую руку он держал на весу — видимо, принял на щит слишком сильный удар.

— Эмиль! — Рывкнул он, даже не поздоровавшись. — Дай золота!

Я аккуратно положил перо и поднял на него глаза.

— Доброе утро, Рихтер.

— Какое утро?! — он шагнул в комнату, заполняя собой всё пространство. Рихтер был на голову выше меня и раза в два шире в плечах. Боевой маг, гордость рода, второй в очереди наследования после дяди. Если бы не его мозги, которые, судя по всему, атрофировались за ненужностью, он был бы идеальным наследником. — Мне нужно золото, срочно! Варгус сказал, что кристаллы кончились, а у Людвиг вообще щит рассыпался на второй минуте!

— Я знаю, — сказал я спокойно. — Я всё видел. Красиво рассыпался. Осколки, надеюсь, собрали? Они идут на переработку, по три медяка за килограмм.

Рихтер замер. Он смотрел на меня так, будто я заговорил на языке гномов. Его правый глаз истерично задергался...

— Какие осколки?! Эмиль, нам нужны новые кристаллы! Прямо сейчас! Варгус сказал, что если мы не отработаем построение «стальной кулак» до обеда, он загонит нас в казарму на неделю!

— Варгус прав, — кивнул я. — Построение «стальной кулак» — основа прорывной тактики. Без него вы просто группа вооруженных магов, а не боевое звено.

— Вот! — Рихтер обрадовался, что я понял. — Поэтому давай золото, я сбегаю в лавку, возьму кристаллов у Шульца, он обещал лучшую цену.

Я вздохнул и повернул к нему ведомость.

— Рихтер, посмотри сюда. Видишь? Это — расходы на сегодня. Три кристалла. Два — утиль. Масло. Пыльца. Я уже не говорю о том, что Герман сейчас точит нож, чтобы прирезать того, кто сжёт его розы.

Рихтер даже не взглянул на бумагу. Он вообще никогда не смотрел на бумаги. Бумаги были для него пустым местом, чем-то вроде туалетной принадлежности, но с немного другим назначением.

— Эмиль, не начинай, — сказал он устало, как говорят с капризным ребенком. — Просто дай денег. Это же не твои, это родовые. Дядя утвердит.

— Дядя утвердит? — я поднял бровь. — А ты знаешь, сколько дядя утвердил за последний месяц? Я тебе скажу. Тройной бюджет боевой подготовки. Тройной, Рихтер. Мы тратим больше, чем гарнизон пограничной крепости!

— Потому что мы круче гарнизона! — Осклабился мой кузен. — Мы Канцлеры! Наш род бился в первых рядах еще при Основателе!

— При Основателе, — я одобрительно кивнул, — у рода были медные рудники и три гильдии в цеховом подчинении. А сейчас что?

Рихтер нахмурился. Он явно не любил, когда ему напоминали о финансовых делах. Для него род был вечной величиной, скалой, которую не могут поколебать никакие мелочи... вроде денег.

— Сейчас то же самое, — отрезал он. — Рудники работают.

— Рудники работают на износ, — учтиво поправил я. — Концессия на концентрат принадлежит Демидовым. Мы же получаем лишь крохи. А тратим как в лучшие годы. И разницу, если ты не заметил, покрываем из резервного фонда.

— Из какого фонда? — Рихтер сморщил лоб, пытаясь переварить информацию.

— Неважно, — я махнул рукой. — Важно то, что сегодня я не дам тебе золота. Иди к дяде, пусть он подпишет бумагу на внеплановые траты.

Рихтер побагровел. Это было забавное зрелище — краска заливала его лицо от мощной шеи до самых корней светлых волос.

— Ты что, смеёшься надо мной?! — проревел он. — Пока я схожу к дяде, пока он там... Варгус нас убьёт! Эмиль, у нас тренировка! Ты понимаешь, что такое боевая подготовка? Или ты забыл, сидя в своей конторе над бумажками?

— Я не забыл, — сказал я тихо. — Просто я считаю, что боевая подготовка не должна стоить состояния малого королевства.

— Ах ты...

Рихтер шагнул к столу и опёрся на него кулаками. Стол жалобно скрипнул. Я машинально отметил, что ножки могут не выдержать — надо будет проверить крепления.

— Слушай сюда, счетовод, — процедил он, нависая надо мной. — Ты сидишь здесь, в тепле, перекладываешь бумажки, считаешь наши деньги, а мы кровь проливаем. Мы — щит и меч рода. А ты — кто? Ты — ошибка природы. Отец твой был слабаком, и ты такой же.

Я молчал... В груди что-то неприятно сжалось, но я не подал виду. Я давно научился не реагировать на такие слова.

— Твой батюшка, — продолжал Рихтер, входя в раж, — вместо того чтобы учиться магии, книги читал. И что в итоге? Умер от чахотки, как последний крестьянин. Даже проклятие снять не смог, потому что силы не хватило. А ты в него пошёл — такой же хилый, такой же никчёмный. Роду от тебя пользы — как от козла молока.

Я откинулся на спинку стула. Руки под столом сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но лицо осталось спокойным.

— Ты закончил? — спросил я ровно.

— Нет, — рыкнул он. — Ты будешь давать золото или нет?

— Нет.

Рихтер выпрямился. Он смотрел на меня с такой смесью презрения и ярости, что я почти физически ощущал этот взгляд — тяжелый, жгучий, как тот самый фаербол, которым он только что жёг розы Германа.

— Жалкий счетовод, — сказал он тихо, почти ласково. — Сиди здесь, считай. А вот когда придёт враг, когда нужно будет защищать род, ты спрячешься за наши спины. И будешь молиться, чтобы мы были достаточно сильны.

— Обязательно, — кивнул я. — Я буду молиться. А пока — иди, тренируйся. У тебя осталось два кристалла. Используй их с умом.

Рихтер сплюнул на пол. Прямо на паркет, который я вчера собственноручно натирал мастикой. Плевков был сочным, с пузырьками — видимо, после интенсивной магии во рту пересыхает, и слюна становится густой.

— Чтоб ты сдох со своими бумажками, — буркнул он и вышел, хлопнув дверью так, что с полки упала стопка старых отчётов.

Я сидел неподвижно ещё минуту, глядя на закрытую дверь. Потом медленно выдохнул, разжал кулаки и посмотрел на ладони. Ногти оставили красные полумесяцы на коже.

Он прав, конечно. Если придёт враг, я спрячусь за их спины. Потому что моя магия — она не для боя. Моя магия — это бумаги, чернила, цифры, договоры. Я могу прочитать магическую вязь в документе так же легко, как Рихтер читает боевую обстановку на поле. Я вижу лазейки, слабые места, скрытые проклятия. Но выпустить фаербол? Защититься щитом? Нет. Этому меня не учили. Моё отец считал, что образование важнее.

Отец ошибался.

Я стёр плевков. Пришлось использовать специальное заклинание — слабенькое, бытовое, из арсенала уборщиц. Слюна Рихтера зашипела, свернулась в шарик и исчезла. Паркет остался чистым, но осадок на душе — нет.

Я сел за стол и попытался вернуться к отчету. Но цифры плыли перед глазами, строчки, буквы упрямо расплзались, не желая задерживаться в сознании... Слова кузена засели в голове занозами.

«Отец твой был слабаком». Неправда. Отец был умным. Он знал пять языков, разбирался в алхимии, мог цитировать наизусть весь Магический Кодекс. И он любил меня. Правда, это не спасло его от проклятия, которое он подцепил в проклятых рудниках. Потому что он полез туда сам, чтобы проверить условия труда рабочих. Потому что ему было не всё равно.

Маги его не спасли. Сказали — поздно, сила ушла, печени досталось слишком сильно. Дядя тогда был в отъезде, а местные лекари просто развели руками.

Я тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Прошлого не вернуть. Есть лишь настоящее. А в настоящем — пустеющая казна, кризис на рудниках и кузены, которые жгут деньги, считая это своим законным правом.

Я снова углубился в расчёты. Через час передо мной лежал готовый отчёт. Расходы были разнесены по статьям, обоснования — подкреплены ссылками на уставы, излишества — замаскированы под необходимость. Я даже приписал пару пунктов о закупке новых учебных пособий, чтобы растянуть списание кристаллов на месяц вперёд.

Дядя должен был утвердить. Должен был... Если, конечно, Рихтер не доберётся до него первым и не нажалуется, что я мешаю боевой подготовке рода.

В дверь постучали.

Не вломились, не распахнули, а именно постучали — коротко, сухо и официально. Не к добру это...

— Войдите, — сказал я, убирая отчёт в папку.

Дверь открылась. На пороге стоял дворецкий Карл. Лицо его, обычно бесстрастное, как у каменной горгульи, сейчас выражало лёгкое беспокойство.

— Господин Эмиль, — сказал он с поклоном. — Его сиятельство канцлер требует вас к себе. Немедленно.

Я устало вздохнул.

Рихтер всё-таки добежал до дяди.

— Спасибо, Карл. Иду.

Я встал, одёрнул сюртук, поправил манжеты. В зеркале на стене отразился худощавый молодой человек с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Счетовод. Тот, кого презирают боевые маги.

Что ж. Пойдем к дяде. Посмотрим, что скажет канцлер своему никчёмному племяннику-счетоводу.

Кабинет дяди находился в восточном крыле особняка. Я шёл по длинному коридору, украшенному портретами предков. Все они смотрели на меня с высоты своих золочёных рам — суровые мужчины и женщины в боевых доспехах, с магическими жезлами в руках. Род Канцлеров всегда славился своими воинами.

На фоне этих портретов я чувствовал себя особенно неуместно. Моё место было где-нибудь в углу, с пером и бумагой. Служитель, писец, но никак не воин.

Да... Писец как он есть...

Перед дверью кабинета я остановился, глубоко вздохнул и постучал.

— Войдите, — раздался низкий голос дяди.

Я вошёл.

Кабинет канцлера был огромен. Высокие потолки, тяжёлые шторы, массивная мебель из тёмного дерева. В камине потрескивал огонь, хотя утро и так было тёплым. Дядя любил, чтобы в комнате было жарко.

За столом сидел сам канцлер, герр фон Канцлер, глава рода. Это был мощный мужчина под шестьдесят, с седой гривой волос и тяжёлой челюстью. Он выглядел как старый лев — ещё опасный, но уже уставший от борьбы за прайд.

Рядом с ним стоял барон Варгус — начальник безопасности, сухой жилистый мужчина с лицом, изрезанным шрамами. Форма сидела на нём как влитая, на поясе висел боевой жезл, исписанный рунами.

В креслах у стены расположились старшие родственники — тётушка Кларисса, вечно всем недовольная, и кузен Отто, который командовал хозяйственной частью, но на деле только мешал.

Рихтера нигде не было видно. Странно.

— Эмиль, — кивнул дядя. — Садись.

Я опустил на стул напротив стола. Варгус окинул меня оценивающим взглядом, каким смотрят на потенциальную угрозу, и тут же потерял интерес.

— Мы собрались здесь, — начал дядя без предисловий, — чтобы обсудить состояние казны рода.

У меня внутри что-то ёкнуло. Значит, не Рихтер. Значит, что-то серьезнее...

Кажется, начинается большое веселье.

Тётушка Кларисса всхлипнула и прижала платок к глазам. Кузен Отто заёрзал в кресле. Варгус остался неподвижен, как статуя.

— Ситуация, — продолжил дядя, — хуже некуда. Казна рода пуста.

Повисла тишина. Слышно было, как в камине потрескивают дрова.

— Как пуста? — переспросил Отто. — Совсем?

— Совсем, — подтвердил дядя. — На счетах рода — три тысячи золотом. Этого хватит на месяц обычной жизни. Или на две недели войны.

Тётушка всхлипнула громче. Варгус чуть заметно поморщился.

— Но как же рудники? — Отто явно не мог поверить. — Рудники дают доход!

— Рудники дают ровно столько, чтобы не закрыться, — отрезал дядя. — Концентрат уходит Демидовым по старому договору. А вот расходы у нас только растут.

— Надо урезать расходы, — подал голос Варгус. — В первую очередь — на боевую подготовку. Траты неоправданно высоки.

— Что?! — тётушка даже плакать перестала. — Вы хотите ослабить защиту рода? В такое беспокойное время?!

— Я хочу, чтобы род не обанкротился до конца года, — холодно ответил Варгус. — Без денег защита не нужна — нас просто купят. Или задушат долгами.

— Но мальчики тренируются! — тётушка воздела руки к потолку. — Они защитят нас!

— Мальчики, — Варгус скосил взгляд на меня, — жгут ресурсы, как не в себя. Сегодня утром они уничтожили кристаллов на... — он запнулся, видимо, не зная точной цифры.

— На четыреста пятьдесят золотых, — сказал я тихо.

Все повернулись ко мне.

— Что? — Переспросил дядя.

Я встал, достал из-за пазухи свой отчёт и положил на стол перед канцлером.

— Четыреста пятьдесят золотых, ваша светлость. Три кристалла, масло, пыльца огненного мха. И это — только утренняя тренировка. Если считать за неделю, выходит около двух тысяч.

Дядя взял отчет, надел очки и углубился в чтение. Варгус подошёл ближе и заглянул через его плечо.

Тётушка смотрела на меня с неприкрытой неприязнью. Кажется, я только что подставил её любимого Рихтера...

Кажется, я только что испортил Рихтеру не только утро, но и ближайший месяц. Впрочем, он сам напросился.

— Это... — дядя поднял глаза, — это точные цифры?

— Абсолютно, ваша светлость. Я веду учёт всех расходов боевого крыла уже три месяца. Могу предоставить сводные ведомости за этот период.

— Три месяца? — Варгус прищурился. — Почему я не знал?

— Вы не спрашивали, — пожал я плечами. — А моя обязанность — вести учёт. Я его и веду. Если бы вы интересовались, я бы предоставил.

Дядя и Варгус переглянулись.

— И что ты предлагаешь? — спросил канцлер, снимая очки. — Урезать тренировки? Я покачал головой.

— Тренировки — это не проблема, ваша светлость. Проблема — падение доходов с рудников.

— Но рудники... — начал Отто.

— Рудники работают, — перебил я его. — Но концессия на маго-рудный концентрат принадлежит Демидовым. Мы получаем фиксированную плату, которая не менялась вот уже двадцать лет. За это время цены на всё выросли втрое. И наши расходы — соответственно.

В кабинете повисла тишина.

Я видел, как до них доходит эта простая мысль. Как они, всю жизнь считавшие, что деньги — это то, что просто есть, вдруг понимают, что мир устроен немного сложнее.

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил дядя, — что проблема не в том, сколько мы тратим?

— Именно, — кивнул я. — Мы тратим ровно столько, сколько нужно для поддержания боеспособности рода. Можно урезать на десять процентов, но это даст нам отсрочку на месяц-два. Потом мы снова упруемся в стену. Потому что проблема — в доходах.

— И что ты предлагаешь? — Варгус смотрел на меня с новым интересом. — Идти войной на Демидовых?

— Нет. Я предлагаю изучить договор.

— Какой договор? — не понял Отто.

— Концессионный договор с Демидовыми. Тот самый, которому двадцать лет. Я хочу его посмотреть.

Дядя нахмурился.

— Зачем? Там всё ясно. Мы отдаем концентрат, они платят. Так было при моём брате, так есть и при мне.

— При вашем брате, — сказал я осторожно, — цены были другими. И потом, договоры иногда содержат пункты, о которых стороны забывают. Возможно, там есть условия пересмотра платы. Или сроки давности. Или что-то ещё, что можно использовать.

Варгус усмехнулся.

— Ты хочешь судиться с Демидовыми? Мальчик, они сожрут тебя и не подавятся. У них лучшие адвокаты в Империи.

— Я не говорю о суде, — покачал я головой. — Я говорю о переговорах. Чтобы вести переговоры, нужно знать исходную позицию. Договор — это и есть исходная позиция.

Дядя задумался. В камине трещали дрова, тётушка перестала всхлипывать и смотрела на меня с недоумением, будто я заговорил на древнем наречии.

— Хорошо, — сказал наконец канцлер. — Я велю принести копию договора. Изучи его. Но если ты найдёшь там что-то... полезное, не действуй в одиночку. Приходи ко мне.

— Разумеется, ваша светлость.

Я поклонился и направился к двери.

— Эмиль, — окликнул меня дядя.

Я обернулся.

— Ты молодец, что вёл учёт. Это... это правильно.

Я кивнул и вышел.

В коридоре меня догнал Варгус.

— Эй, счетовод, — окликнул он.

Я остановился. Барон подошел близко, почти вплотную. От него пахло кожей, металлом и магией — тяжёлый, терпкий запах боевого мага.

— Ты действительно думаешь, что в договоре есть лазейка? — спросил он тихо, чтобы не услышали за дверью.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но я хочу это проверить.

Варгус посмотрел на меня долгим взглядом. Потом кивнул.

— Проверяй. Но если что — скажи мне. Я не люблю, когда с моими людьми играют в игры.

— Ваши люди — это боевое крыло, — учтиво напомнил я. — Я не отношусь к вашим людям.

— Ты носишь фамилию Канцлер, — отрезал Варгус. — Значит, ты мой человек. Хочешь ты того или нет.

Он развернулся и ушёл, оставив меня в коридоре одного.

Я стоял и смотрел ему вслед. Странное чувство шевельнулось в груди. Что-то похожее на... принятие? Или просто Варгус умел говорить так, что люди начинали верить.

Я тряхнул головой и пошёл к себе.

Вечером, когда я сидел над договором с Демидовыми, в дверь снова постучали. На этот раз тихо, почти робко.

— Да?

Дверь приоткрылась. На пороге стояла горничная Лиза — молоденькая девушка с пухлыми губами и глазами цвета весеннего неба. Форма сидела на ней так, что больше хотелось смотреть, а не разговаривать...

— Господин Эмил, — сказала она тихо, — вам ужин в кабинет подавать или вы спуститесь в столовую?

Я посмотрел на неё. На то, как туго затянут передник, подчеркивающий тонкую талию. На выбившийся из-под чепца светлый локон. На то, как она кусает губу, ожидая ответа.

— В кабинет, — сказал я. — У меня много работы.

— Хорошо, господин.

Она сделала шаг вперёд, чтобы закрыть дверь, и на мгновение оказалась совсем близко. Я увидел, как вздымается её вполне себе приличная грудь под кружевным фартуком, почувствовал запах свежего хлеба и женского тела...

— Лиза, — сказал я тихо.

Она замерла.

— Да, господин?

— Спасибо.

Она улыбнулась — быстро, смущённо — и выскользнула за дверь.

Я остался один. В руках — договор с Демидовыми. В голове — уже мысли о лазейках и прецедентах. А перед глазами — её улыбка и изгиб шеи там, где заканчивался воротничок.

Так я и просидел допоздна.

Ночью мне снились странные сны. Будто я не в кабинете сижу, а на поле боя, и вокруг летают фаерболы. Но я не боюсь, потому что в руках у меня не меч, а толстая книга законов. И каждый фаербол, коснувшись её страниц, превращается в сухой лист бумаги с гербовой печатью.

А потом Лиза подошла ко мне в этом сне, наклонилась, и...

Семейный совет

Я проснулся от того, что голова лежала на договоре с Демидовыми, а щеку украшал отпечаток гербовой печати.

За окном только-только начало светать — серый, неуверенный рассвет пробивался сквозь пыльные стёкла. Свеча на столе догорела, оставив после себя лужицу застывшего воска и тонкую струйку дыма, которая тянулась к потолку, извиваясь, словно испуганная змея.

Я сел, хрустнул шеей и попытался вспомнить, в какой момент отключился. Судя по всему, сразу после того, как нашёл тот самый пункт. Глаза слипались, во рту было сухо, а в висках пульсировала глухая боль — верный признак того, что магией я вчера пользовался чаще, чем следовало.

Но оно того стоило.

Я снова уставился в договор. Пункт семнадцатый, подпункт «г». Пролонгация. Три строчки мелкого текста, которые двадцать лет никто не читал. А если и читал — не придавал значения.

«Ежегодное подтверждение действительности договора осуществляется путём простановки магической подписи уполномоченных представителей сторон в присутствии нотариуса Магического Арбитража не позднее чем за тридцать дней до даты окончания отчётного периода».

Я провёл пальцем по строчкам. Бумага пожелтела, чернила местами выцвели, но буквы оставались всё такими же чёткими. Кто бы ни составлял этот договор двадцать лет назад, он знал своё дело. Возможно, даже слишком хорошо.

Проблема была в другом.

Двадцать лет назад, через год после подписания, вышел императорский указ «О единых стандартах магического заверения документов». Согласно этому указу, все подписи, проставленные «по старинке» — то есть простым приложением магии без фиксации в реестре Арбитража, — теряли юридическую силу, если не были подтверждены по новой процедуре в течение пяти лет.

Я поднял кипу старых выписок, которые запросил вчера вечером у Карла. Дворецкий, конечно, ворчал, что архивный отдел давно не работает, что ключи потеряны, что «господин Эмил, побойтесь богов, четвёртый час ночи». Но выписки всё же принёс.

Я пролистал их. Демидовы — род старый, богатый, влиятельный. Их подписи всегда значили много. Но в реестре Арбитража за последние двадцать лет не было ни одной записи о том, что кто-то из Демидовых подтверждал этот договор по новой процедуре.

Ни одной.

Это значило, что договор — формально — не действителен уже девятнадцать лет.

А это значило, что все платежи, которые Демидовы перечисляли нам всё это время, — это не плата по договору. Это просто... деньги. Которые они платили по привычке.

И которые могли перестать платить в любой момент.

Или, что ещё хуже, потребовать назад, если докажут, что платили по недействительному договору по ошибке.

Я откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

— Попались, — прошептал я. — Или мы попались. Тут смотря как посмотреть...

В дверь постучали.

Я вздрогнул. Стук был короткий, сухой, официальный. Карл.

— Господин Эмил, — раздалось из-за двери. — Вас ожидают в малой столовой к завтраку. Его сиятельство канцлер просил передать, что дело не терпит отлагательств.

Я посмотрел на часы. Половина седьмого утра.

— Передай его сиятельству, что я буду через четверть часа.

— Слушаюсь.

Шаги удалились. Я встал, потянулся, с хрустом разминая затёкшие плечи. В зеркале на стене отразилось нечто бледное, лохматое и явно невыспавшееся. Глаза красные, волосы торчат в разные стороны, на щеке — всё та же печать.

Я плеснул в лицо водой из кувшина, кое-как пригладил волосы, сменил сюртук на свежий. Договор, выписки и свои заметки сложил в папку и прижал к груди.

Документы важнее завтрака. Хотя завтрак, честно признаться, тоже был нужен.

В коридоре оказалось тихо. Особняк ещё спал — только где-то вдалеке слышались шаги прислуги, готовящейся к утру. Я шёл быстро, стараясь не думать о том, что скажу дяде.

Потому что то, что я нашёл, было одновременно и победой, и катастрофой.

Малая столовая находилась на первом этаже, рядом с кабинетом канцлера. Это была уютная комната с низким потолком и тяжёлыми дубовыми панелями на стенах. Здесь обычно завтракали только свои — никаких официальных приёмов, никаких посторонних.

Я толкнул дверь и вошёл.

За столом уже сидели четверо.

Дядя — во главе, с чашкой кофе в руке. Вид у него был усталый, под глазами залегли тени. Видимо, вчерашний совет выпил из него не меньше сил, чем из меня — сегодняшняя ночь.

Варгус — справа от дяди, с неизменным боевым жезлом на поясе даже за завтраком. Перед ним стояла тарелка с яичницей и беконом, но он не ел, а просто крутил в пальцах вилку, поглядывая на дверь.

Рихтер — слева. Мой кузен сидел, развалившись на стуле, и с таким остервенением терзал булку, будто это был личный враг рода. При моём появлении он даже не повернул головы.

И Отто — в углу, с чашкой чая и кислой миной. Главенствующая часть рода явно не спала всю ночь, подсчитывая убытки.

— Эмиль, — дядя кивнул на свободное место. — Садись. Ешь.

Я сел. Передо мной тут же появилась тарелка с кашей, тосты и чашка горячего шоколада. Карл знал мои привычки очень хорошо.

— Спасибо, — сказал я, принимаясь за еду. Голод дал о себе знать, и первые несколько минут я только и делал, что жевал, стараясь не думать о папке, которая лежала на коленях.

Тишина за столом была тяжёлой. Даже Рихтер молчал, что само по себе было чудом, сродни явлению императора к нищим. Видимо, вчерашний разговор с дядей всё же дошёл до его варварского сознания.

— Ну? — не выдержал наконец Варгус. — Ты нашёл что-то в этом договоре или так, бумажки перебирал?

Я проглотил кашу, вытер губы салфеткой и положил папку на стол.

— Нашёл.

Все четверо уставились на папку. Рихтер даже булку отложил в сторону.

— Что именно? — дядя отставил кофе и подался вперёд.

Я открыл папку, достал договор и развернул его на нужной странице.

— Пункт семнадцать, подпункт «г». Пролонгация.

— И? — Варгус прищурился. — Что там?

— Там сказано, что договор должен ежегодно подтверждаться магическими подписями сторон в присутствии нотариуса Арбитража.

Рихтер наморщил лоб, пытаясь переварить эту информацию. Отто, напротив, побледнел — кажется, он уже понял, к чему я клоню.

— Ну и что? — спросил Рихтер. — Подписывают же? Демидовы платят, мы получаем. Значит, подписывают.

— В том-то и дело, — я покачал головой, — что нет.

Я достал из папки выписки из реестра Арбитража.

— Вот записи за последние двадцать лет. Здесь перечислены все договоры, которые проходили процедуру подтверждения. Нашего договора среди них нет. Ни разу.

— Но Демидовы платят! — Отто вскочил, чуть не опрокинув чашку. — Я сам видел платёжные ведомости! Каждый месяц, исправно, как часы!

— Платят, — согласился я. — Но платят по договору, который юридически не действителен уже девятнадцать лет.

Тишина повисла такая, что слышно было, Рихтер икнул.

— Это... — дядя медленно подбирал слова, — это значит, что они могут перестать платить?

— Могут, — кивнул я. — В любой момент. И мы ничего не сможем сделать, потому что договор — пустышка.

— Вот дерьмо, — выдохнул Рихтер. Это было, пожалуй, самое интеллектуальное, что я от него слышал за последнее время.

— Но это ещё не всё, — добавил я. — Есть и другая сторона.

— Какая? — Варгус посмотрел на меня с новым интересом. Кажется, он начинал понимать, что «счетовод» может быть полезен не только за письменным столом.

— Они могут потребовать вернуть все деньги, которые платили за эти девятнадцать лет. Как ошибочно перечисленные по недействительному договору.

Отто схватился за сердце. Рихтер побелел. Дядя медленно налил себе ещё кофе — рука его слегка дрожала.

— Сколько? — спросил Варгус спокойно. — Если считать с процентами?

Я достал из папки ещё один лист — тот самый, который начал заполнять ещё ночью.

— Около двухсот тысяч золотом. Плюс неустойка. Плюс возможные штрафы за использование средств, полученных по недействительному договору. Итого — до трёхсот тысяч.

— Мы не потянем, — прошептал Отто. — Это больше, чем весь наш годовой бюджет. Это больше, чем стоит особняк.

— Я знаю, — сказал я.

Рихтер вскочил, опрокинув стул.

— Так что мы сидим?! Надо готовиться к бою! Если эти твари Демидовы сунутся, мы их встретим! У меня есть план — ночная атака с трёх сторон...

— Сядь, — оборвал его Варгус. Голос у него был тихий, но Рихтер тут же испуганно сел. — Не шуми. Дай парню договорить.

Все снова посмотрели на меня.

— Я не всё сказал, — продолжил я, чувствуя, как под их взглядами начинает гореть лицо. — То, что мы нашли, — это проблема. Но это и возможность.

— Возможность? — дядя поднял бровь.

— Да. Договор не действителен. Но Демидовы об этом не знают. Они платят по привычке, не проверяя. А раз они платят — значит, признают договор действительным. Это называется «конклюдентные действия».

Варгус усмехнулся.

— Ты хочешь сказать, что они сами себя подставили?

— Именно. Если они попробуют оспорить договор, мы можем подать встречный иск. Признание договора действительным через фактические платежи. Это сложно, но прецеденты подобного уже были.

— Были? — оживился дядя.

— Были. Дело купца Вольдемара, двадцать три года назад. Он платил по устной договорённости десять лет, а когда поставщик попытался разорвать отношения, суд обязал его про-

должать поставки, потому что «длительные фактические отношения создают взаимные обязательства».

— И ты думаешь, у нас получится? — Варгус прищурился.

— Не знаю, — честно сказал я. — Для этого нужно изучить судебную практику. Но если получится, мы не только сохраним рудники, но и получим рычаг давления на Демидовых. Они платили девятнадцать лет — значит, они сами признавали договор. Пусть попробуют доказать обратное. А вместе с тем можно будет и надавить на них за несоблюдение Имперского Устава и отказ от ежегодного пересмотра суммы выплат в сторону увеличения по причине инфляции.

Дядя молчал долго. Потом повернулся к Варгусу.

— Что скажешь?

Варгус пожал плечами.

— Я в законах не силен. Но парень дело говорит. Демидовы сильны, но они не любят шума. Если мы создадим им проблемы в Арбитраже, они могут пойти на мировую. Лишь бы не светиться.

— А если не пойдут? — Глупым голосом спросил Рихтер.

— Тогда будем воевать, — спокойно ответил Варгус. — Но сначала — пусть парень попробует.

Дядя кивнул.

— Эмиль, сколько тебе нужно времени?

— Неделя. Мне нужно съездить в столицу, поработать в архиве Академии. Там есть старые дела, которых нет в городском реестре.

— Хорошо. — Дядя достал из кармана ключ и протянул мне. — Возьми из казны сколько нужно. И вот это.

Он снял с мизинца перстень с родовым гербом и положил на стол передо мной.

Я замер.

— Дядя...

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он устало. — Это не признание. Это просто пропуск. С этим перстнем тебя пустят в любой архив Империи. Он всё ещё что-то значит.

Я взял перстень. Металл был тёплым, нагретым от пальцев дяди. Герб Канцлеров — боевой жезл, перекрещённый с пером — тускло блеснул в утреннем свете.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что. — Дядя поднялся. — Иди. Времени у нас мало.

Я встал, убрал перстень в карман, собрал бумаги.

— Эмиль, — окликнул меня Варгус.

Я обернулся.

— Если понадобится помощь — скажи. Я приставлю к тебе людей.

— Пока не надо. Но спасибо.

Я вышел из столовой и направился к себе. В коридоре меня догнал Рихтер.

— Эй, — окликнул он. — погоди.

Я остановился. Кузен подошёл, помялся, явно не зная, с чего начать.

— Слушай, — сказал он наконец. — Я это... вчера наговорил лишнего. Про отца твоего. Ты это... не бери в голову.

Я посмотрел на него. Рихтер переминался с ноги на ногу, как нашкодивший пёс, который понимает, что провинился, но не знает, как извиняться.

— Забудь, — просто сказал я.

— Ну... — он вздохнул с облегчением. — Ты это, если что надо — скажи. Я помогу. Не бумагами, так мечом.

— Спасибо, Рихтер.

Он кивнул и ушёл, громко топая сапогами по паркету. Я смотрел ему вслед и думал о том, что, кажется, впервые за много лет разговаривал с кузеном не как с врагом.

Весь день я провёл за сборами. Выписал нужные дела, составил список вопросов, на которые нужно найти ответы, прикинул, сколько денег взять с собой. К вечеру голова гудела, глаза слипались, но спать было нельзя — завтра с утра мне уже выезжать в столицу.

Я сидел за столом, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Дверь приоткрылась. На пороге стояла Лиза с подносом в руках.

— Господин Эмиль, — сказала она тихо. — Вы совсем не ели сегодня. Я принесла вам ужин.

Она вошла, поставила поднос на край стола и замерла, ожидая распоряжений.

Сегодня на ней было другое платье — выходное, что ли? Тёмно-синее, с глубоким вырезом, открывающим ложбинку на груди. Передник был кружевным, а не простым, и завязан так, что подчёркивал талию. Волосы убраны под чепец, но пара локонов выбилась и лежала на шее, маняще изгибаясь...

— Спасибо, Лиза, — сказал я, стараясь не смотреть на неё слишком откровенно.

— Господин, — она не уходила, теребя край передника. — Я слышала, вы завтра уезжаете?

— Да. В столицу. По делам рода.

— Надолго?

— Не знаю. Может, на неделю. Может, дольше.

Она кивнула, помолчала, потом подняла на меня глаза. В них было что-то такое... Я не сразу понял что. А когда понял — внутри что-то ёкнуло.

— Будьте осторожны, господин, — сказала она тихо. — Столица — опасное место.

— Я знаю, Лиза. Спасибо за заботу.

Она сделала шаг вперёд, будто хотела что-то добавить, но в последний момент передумала. Поправила поднос, хотя он и так стоял ровно.

— Если что-то понадобится... — начала она и осеклась.

— Да?

— Ничего, господин. Простите.

Она развернулась и пошла к двери. Я смотрел на то, как колыхнется её юбка при ходьбе, как туго обтянута тканью её фигура, в том числе в особо аппетитных местах, как она на мгновение задерживается у порога, будто надеясь, что я её окликну.

Но я молчал.

Дверь закрылась.

Я остался один. Передо мной — поднос с ужином. В голове — мысли о завтрашней поездке. А перед глазами — её взгляд в последнюю секунду.

О чём она хотела спросить? И почему не спросила?

Я отодвинул мысли о Лизе в самый дальний угол сознания и принялся за ужин. Завтра — тяжёлый день. Мне нужно выспаться.

Но спалось в эту ночь плохо.

Снились какие-то обрывки — архивы, судебные залы, лица судей. И среди них — Лиза, которая шла по коридору суда, а за ней тянулся шлейф из гербовых бумаг. Она оборачивалась, улыбалась, и бумаги взлетали в воздух, кружась, как снег...

Я проснулся в холодном поту.

За окном светало. Пора было ехать.

Я встал, умылся, оделся. Папка с документами лежала на столе — я перепроверил её трижды. Всё на месте.

В коридоре меня ждал Карл.

— Экипаж подан, господин Эмиль. Ваш багаж уже погрузили.

— Спасибо, Карл.

Я спустился вниз. У входа стоял дядя.

— Удачи, Эмиль, — сказал он, пожимая мне руку. — Мы надеемся на тебя.

— Я сделаю всё, что смогу, ваша светлость.

Я сел в экипаж. Кучер тронул поводья, лошади рванули с места.

Я откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Впереди была столица. Архивы. Прецеденты. И битва, которую нельзя выиграть мечом. Только пером.

Дорога в столицу

Экипаж трясло немилосердно.

Я сидел, прижимая к груди папку с документами, и думал о том, что создатели имперских трактов, вероятно, никогда не пользовались собственными творениями. Каждый камень, каждая выбоина на этой древней дороге словно ставили своей целью вытрясти из пассажира не только содержимое желудка, но и все мысли, включая самые сокровенные.

За окном проплывали однообразные пейзажи — поля, перелески, изредка деревеньки с покосившимися заборами и любопытными крестьянами, провожавшими экипаж долгими взглядами. Где-то там, за горизонтом, лежала столица. Имперский центр, средоточие власти, богатства и — как я надеялся — ответов на мои вопросы.

Я откинулся на жёсткое сиденье и попытался устроиться поудобнее. Бесплезно... Экипажи рода Канцлеров проектировали явно не для длительных путешествий — короткие переезды между поместьями, не более. Для дальних дорог полагалось брать специальные дормезы с рессорами и мягкими подушками, но наш парк таких экипажей распродал ещё при отце, когда деньги стали утекать сквозь пальцы быстрее, чем магическая энергия через дырявый кристалл.

Впрочем, жаловаться было грех. Экипаж хотя бы был. И лошади — сытые, крепкие, с хорошей тягой — тоже были. Карл, провожая меня, заверил, что до столицы доберёмся за полтора дня, если не случится ничего непредвиденного.

Я надеялся, что ничего непредвиденного не случится. В последнее время подобного и так хватало.

За окном замелькали берёзы — стройные, белоствольные, с уже начинающими желтеть листьями. Ранняя осень в этом году выдалась тёплой, даже слишком. Крестьяне ворчали, что урожай может не успеть вызреть до заморозков, а маги-погодники из Гильдии Природы драли три шкуры за каждый дождь по заказу.

Я снова подумал об отце.

Странное дело — чем дальше я уезжал от родового гнезда, тем чаще всплывали в памяти его лицо, его голос, его привычка постукивать пальцами по столу, когда он о чём-то задумывался. Магия памяти — штука коварная. Она не спрашивает разрешения, не предупреждает о вторжении. Просто накатывает волной, и ты снова видишь, слышишь, чувствуешь то, что, казалось, давно похоронил.

Вот отец любил эту дорогу.

Я вспомнил, как мы ехали в столицу, когда мне было лет десять. Он брал меня с собой в Архивное управление, показывал, как работать с документами, объяснял, почему в одном договоре важна каждая запятая, а в другом — даже не запятая, а расстояние между буквами. Я тогда не понимал и половины, но слушал раскрыв рот. Потому что отец умел рассказывать. Его истории о магических контрактах, проклятых подписях и судебных процессах, длившихся десятилетиями, были увлекательнее любых сказок про героев и драконов.

— Магия, Эмиль, — говорил он, поправляя очки на носу, — она не только в снарядах и щитах. Самая сильная магия — та, что связывает людей. Контракты, клятвы, обещания. Их нарушить сложнее, чем убить дракона. Потому что дракон — он один, и его всегда можно завалить грудой тел. А слово, данное под магическую печать, — оно с тобой навсегда. И с твоими детьми. И с детьми твоих детей, если потребуется.

Я тогда спросил:

— И что, никак его не снять?

Отец улыбнулся своей грустной улыбкой и ответил:

— Можно. Если найдёшь ошибку в том, как это слово давали. Люди ошибаются, Эмиль. Всегда. И даже самые великие маги. И ошибки эти остаются в документах. Надо только уметь их видеть.

Вот я и учусь видеть, папа.

Экипаж подпрыгнул на особо крупном камне, и я больно приложился головой о стенку. Выругался сквозь зубы, потирая ушибленное место. Интересно, отец тоже так мучился в дороге или у него была какая-то особая магия для смягчения тряски?

Вряд ли... Отец не любил магию для быта. Считал, что настоящий аристократ должен уметь обходиться без волшебства в мелочах. Иначе, говорил он, разучишься ценить простые вещи. Тёплую постель, горячий ужин, удобное кресло у камина.

Я тогда не понимал, что он имел в виду. Сейчас, кажется, начинаю понимать. Сидя в трясущемся экипаже на жёсткой скамье, начинаешь ценить даже самый неудобный стул в собственном кабинете.

За окном стемнело. Кучер зажёл магические фонари — слабые, экономные, дающие ровно столько света, чтобы видеть дорогу в десяти шагах. Я достал из саквояжа свою дорожную чернильницу — непроливайку, купленную ещё отцом на столичном рынке, — и попытался работать.

Первая же попытка провалилась с треском.

Буквы прыгали перед глазами, строчки плясали, а при каждом толчке перо норовило оставить такую кляксу, что хоть картины пиши. Я чертыхнулся, убрал письменные принадлежности и просто закрыл глаза.

Думать на ходу тоже оказалось сложно. Мысли скакали вместе с экипажем — от договора к Рихтеру, от Рихтера к Лизе, от Лизы к отцу, от отца к дяде, от дяди к Варгусу, от Варгуса снова к договору. Замкнутый круг, из которого не было выхода, кроме одного — доехать уже до столицы и начать работать.

В какой-то момент я задремал под мерный стук колёс.

А проснулся от того, что экипаж остановился. За окном было темно, но где-то вдалеке виднелись огни — деревня или небольшой городок. Кучер спрыгнул с козел, подошёл к дверце.

— Господин Эмиль, — сказал он, — тут постоялый двор. Лошадей сменить надо, да и вам отдохнуть не помешает. До столицы ещё полдня пути.

Я кивнул, растирая затёкшую шею.

— Хорошо, Ефрем. Останавливаемся.

Постоялый двор назывался «Три весёлых гнома» и вполне соответствовал своему названию — настолько, насколько вообще может ему соответствовать придорожная забегаловка в глуши. Вывеска скрипела на ветру, изображая трёх бородатых коротышек, обнимающихся над кружкой пива. Сами гномы были нарисованы настолько криво, что, скорее всего, художник никогда в жизни не видел настоящих представителей этой почтенной расы.

Внутри оказалось шумно, накурено и довольно грязно. За длинными столами сидели мужики в простой одежде — крестьяне, возчики, пара подозрительных личностей в плащах с капюшонами. На меня, едва я переступил порог, уставились десятки глаз.

Я вздохнул. Одежда моя, хоть и дорожная, явно выдавала аристократа. Сюртук, пусть и не самый новый, сапоги из хорошей кожи, перстень дяди на пальце — всё это кричало: «Я чужой здесь, я не свой».

Хозяин — толстый мужик с красной рожей и таким же фартуком, на котором пятна самых разных цветов и происхождений создавали абстрактную картину, — вышел из-за стойки и поклонился. Кланяться он умел... Видимо, навык, нарабатанный годами.

— Ваша милость, — прогудел он. — Чем могу служить? Комнату? Ужин? Девушек? Или...

Последнее предложение меня несколько смутило.

— Комнату, — сказал я сухо. — Чистую. И ужин. Без девушек и... остального.

Хозяин понимающе ухмыльнулся — явно подумал что-то своё, — и махнул рукой в сторону лестницы.

— Прошу, ваша милость. Второй этаж, комната три. Самая лучшая. Там и поужинать можете, я к вам пришлю.

Я поднялся по скрипучей лестнице, стараясь не касаться перил — они выглядели так, будто их последний раз мыли при прошлом императоре. Комната три оказалась маленькой, но действительно чистой. Узкая кровать, стол, стул, умывальник. На окне — занавески в цветочек, заштопанные в нескольких местах, но чистые. Пол мытый.

Я поставил саквояж, повесил сюртук на спинку стула и сел на кровать. Пружины жалобно скрипнули подо мной, но выдержали.

В дверь постучали.

Я ожидал увидеть служанку с подносом, но на пороге стоял молодой парень, почти мальчишка, с тарелкой в руках. На тарелке дымилась миска с супом, лежал ломоть хлеба и кружка с чем-то тёмным.

— Ужин, ваша милость, — сказал он, старательно выговаривая слова. — Суп гороховый, хлеб свежий, квас домашний. Хозяин сказал — лучшего просили.

— Спасибо, — я взял поднос. — Как тебя зовут?

— Ганс, ваша милость.

— Спасибо, Ганс.

Он поклонился и убежал. Я закрыл дверь, поставил поднос на стол и принялся за еду.

Суп оказался на удивление хорош. Густой, наваристый, с мясом и зеленью. Хлеб — тёплый, мягкий, с хрустящей корочкой. Квас — кисловатый, но приятный, хорошо утоляющий жажду после тряски в экипаже.

Я ел и думал о том, что жизнь, в общем-то, штука простая. Есть ты, есть дорога, есть цель. А всё остальное — суета.

После ужина я достал документы и разложил их на столе. Договор с Демидовыми, выписки из реестра, свои заметки. При свете масляной лампы буквы казались особенно чёткими, почти зловещими.

Пункт семнадцатый, подпункт «г». Пролонгация.

Я перечитал его в десятый раз. Нет, никакой ошибки. Всё верно. Ежегодное подтверждение. Подписи сторон. Нотариус Арбитража.

За девятнадцать лет — ни одной записи.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок. Там, в темноте, плясали тени от лампы, складываясь в причудливые фигуры. Вот дракон, вот рыцарь с мечом, вот женщина в длинном платье.

Лиза...

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Не время. Сейчас не время думать о женщинах. Сейчас время думать о договорах, о лазейках, о прецедентах.

Но мысли упрямо возвращались к ней.

К тому, как она стояла на пороге вчера вечером в этом своём тёмно-синем платье. К тому, как кусала губу, ожидая ответа. К тому, как вздрогнула, когда я назвал её по имени.

О чём она хотела спросить?

Почему не спросила?

Я вздохнул и полез в саквояж за чистой бумагой. Работа — лучшее лекарство от лишних мыслей. Если я не могу спать, значит буду работать.

До утра я исписал десять листов мелким убористым почерком. План действий в столице, список архивов, которые нужно посетить, перечень вопросов к хранителям, примерные фор-

мулировки запросов. К утру голова гудела, глаза слипались, но в груди поселилось странное удовлетворение — я был готов.

Ефрем постучал в дверь, когда солнце только начинало подниматься над горизонтом.

— Господин Эмиль, лошади готовы. Выезжаем?

Я умылся ледяной водой из кувшина — бодрит лучше любого магического зелья, — оделся, собрал бумаги. На прощание оставил на столе пару медяков для Ганса. Мальчишка старался, заслужил.

Выехали, когда первые лучи солнца окрасили небо в розовый цвет.

Дорога до столицы заняла ещё полдня. Пейзажи за окном постепенно менялись — леса редели, поля становились больше и ухоженнее, деревни встречались чаще. По тракту потянулись другие путешественники — купеческие обозы, одинокие всадники, крестьянские телеги. Мир просыпался и спешил по своим делам.

Я смотрел в окно и думал о столице.

Бывал ли я здесь после смерти отца? Один раз, лет пять назад, когда дядя посылал меня с каким-то поручением в Торговую палату. Тогда я пробыл в городе всего два дня, забегая по инстанциям и ночуя в родовом городском особняке. Особняк, кстати, давно сдали в аренду какому-то богатому купцу — дядя решил, что содержать пустой дом в столице накладно.

В этот раз особняка у меня не будет. Будут трактиры, архивы и, возможно, приёмные высоких чиновников, если повезёт.

Если повезёт.

К полудню на горизонте показались стены.

Имперская столица — город огромный. Даже с расстояния в несколько лиг было видно, как она раскинулась на холмах, укрываясь за мощными крепостными стенами. Над городом поднимались шпили башен, купола храмов, и — самое главное — сияние магических куполов, защищавших столицу от любых неприятностей.

Я смотрел и не мог оторваться. Каждый раз, когда я видел столицу, у меня перехватывало дыхание. Это был город, где решались судьбы Империи. Где писались законы, заключались сделки, вершилась история. И туда, в это сердце мира, я вез нашу семейную тайну.

Или нашу семейную катастрофу.

К стенам подъехали к часу дня. У Западных ворот выстроилась очередь — стража проверяла въезжающих, маги-дознатели сканировали повозки на предмет запрещённых артефактов. Мы встали в хвост, и я с интересом наблюдал за процедурой.

Стража работала чётко, без лишних разговоров. Быстро проверяли документы, задавали пару вопросов, пропускали. Тех, кто вызывал подозрение, отводили в сторону — там уже ждали люди в тёмных плащах, явно не простые солдаты.

Очередь двигалась быстро. Минут через двадцать мы подъехали к воротам.

Стражник — молодой парень с усталым лицом и боевым жезлом на поясе — заглянул в экипаж, окинул меня быстрым взглядом.

— Документы.

Я протянул ему подорожную, выписанную канцелярией рода. Стражник изучил её, сравнил с какой-то своей бумажкой, кивнул.

— Эмиль фон Канцлер? Цель визита?

— Личная, — сказал я. — Посещение архивов Академии. Научная работа.

Стражник хмыкнул — видимо, «научная работа» в его понимании звучало как «скучная работа», — и махнул рукой.

— Проезжайте. Стойте, а это что?

Он ткнул пальцем в мою папку с документами.

— Материалы для работы, — ответил я спокойно. — Бумаги. Хотите проверить?

Стражник помялся, но подошедший маг-дознатель — худой мужчина в синей мантии — уже сканировал повозку. Сканер прошёлся по мне, по багажу, по кучеру, по лошадям и погас.

— Чисто, — сказал маг. — Обычные бумаги, никакой магии.

— Проезжайте, — повторил стражник.

Ефрем тронул поводья, и мы въехали в город.

Столица сразу встретила нас шумом.

Я забыл, насколько здесь бывает громко. Крики торговцев, стук колёс по мостовой, перезвон храмовых колоколов, гомон толпы — всё это обрушилось на меня, едва экипаж миновал ворота. Я невольно зажмурился, привыкая к звукам и запахам.

А запахи... тут тоже были особыми. Пряности, жареное мясо, конский навоз, духи знатных дам, дым из труб, свежий хлеб из пекарен — всё смешалось в один густой, пьянящий аромат большого города.

Я высунулся в окно, разглядывая улицы.

Широкие, мощёные булыжником, они тянулись во все стороны, заполненные людьми и экипажами. Дома — высокие, в три-четыре этажа, с остроконечными крышами и цветными стёклами в окнах — теснились вдоль улиц, образуя сплошную стену. Вывески лавок, трактиров, мастерских свисали над головой, норовя задеть проезжающих.

— Куда едем, господин? — обернулся Ефрем.

Я достал заранее приготовленную записку.

— Трактир «Старый писец». Улица Медная, дом семь.

Ефрем кивнул и свернул в ближайший переулок.

«Старый писец» оказался именно тем, что я искал, — относительно дешёвым, но приличным заведением в районе, где селились мелкие чиновники, писцы, студенты и прочий люд, имеющий отношение к бумагам, но не имеющий лишних денег.

Трактир стоял в глубине двора, прячась от шумной улицы за аркой с ржавой решёткой. Трёхэтажное здание из тёмного кирпича, с облупившейся штукатуркой и скрипучей вывеской, на которой когда-то был изображён пожилой мужчина с гусиным пером в руке.

Внутри оказалось тихо и сумрачно. В зале за столиками сидело несколько человек — двое пожилых чиновников играли в шахматы, молодой парень в студенческой мантии корпел над книгой, а какая-то женщина с усталым лицом пила чай в углу.

За стойкой стоял хозяин — тощий мужчина лет пятидесяти в очках и засаленном фартуке. При моём появлении он поднял голову и окинул меня цепким взглядом.

— Комнату? — спросил он без предисловий.

— Да. На неделю. И дешёвую.

— Дешёвых нет, — хозяин поправил очки. — Есть недорогие. Пять серебряных в сутки. Завтрак включён.

Я мысленно прикинул бюджет. Дороговато, конечно, но в столице дешевле вряд ли найдёшь. Тем более в этом районе.

— Хорошо. Покажете?

— Покажем.

Хозяин кликнул паренька — точную копию Ганса с предыдущего постоялого двора, только чуть постарше, — и велел проводить господина на третий этаж.

Комната оказалась крошечной. Уже, чем в «Трёх весёлых гномах», и заметно беднее обставленна. Узкая кровать, продавленная посередине, стол у окна с выцветшей скатертью, платяной шкаф, который, судя по виду, помнил ещё поза-позапрошлого императора. Умывальник и вовсе отсутствовал — видимо, мыться полагалось в общей комнате в конце коридора.

Зато из окна открывался вид на крыши соседних домов, и это было красиво. Черепица, трубы, голуби, а вдалеке — шпиль Административного корпуса.

Я расплатился с мальчишкой, разобрал вещи, разложил бумаги на столе. Окно выходило на север, света было достаточно, и это радовало.

Ефрем, убедившись, что я устроился, отправился назад, в родовое поместье. На прощание он сказал:

— Господин Эмиль, вы это... осторожней тут. Столица — она злая. Люди тут всякие. Если что — дайте знать, я мигом приеду.

— Спасибо, Ефрем. Доброй дороги.

Он уехал, и я остался один.

Один в огромном городе, с папкой бумаг и надеждой найти то, что спасёт мой род.

Я посидел немного, собираясь с мыслями, потом встал, умылся в общей комнате (вода оказалась ледяной, но чистой), переоделся в свежий сюртук и вышел.

Магическая Академия находилась в центре города, в пяти кварталах от трактира. Можно было бы взять экипаж, но я решил пройтись пешком — и деньги сэкономить, и город посмотреть.

Столица кишела жизнью.

Я шёл по тротуару, лавируя между прохожими, и разглядывал витрины, вывески, лица. Торговцы зазывали покупателей, нищие тянули руки, стража патрулировала улицы парами, маги в разноцветных мантиях спешили по своим делам. Где-то играла музыка, где-то ссорились, где-то смеялись.

Контраст с тишиной родового особняка был разительным. Там — размеренный ритм, приглушённые голоса, шелест бумаг. Здесь — хаос, движение, крик.

Я поймал себя на мысли, что мне здесь неуютно. Слишком много людей. Слишком много звуков. Слишком много всего.

Но отступать было некуда.

Академия возникла передо мной внезапно. Я просто свернул за угол и замер.

Здание было огромным. Оно занимало целый квартал, возвышаясь над окрестными домами, как гора над равниной. Тёмный камень, колонны, барельефы, изображающие великих магов прошлого, шпили, уходящие в небо. Главный вход венчала арка с надписью на древнем наречии: «Mageia sophia arche» — «Магическая мудрость начало».

Перед входом кипела жизнь. Студенты в форме — молодые люди и девушки в тёмно-синих мантиях с серебряными нашивками — сновали туда-сюда, а преподаватели в более богатых одеждах проходили степенно, служители же таскали какие-то ящики.

Я стоял и смотрел на это великолепие, чувствуя себя маленьким и ничтожным. Сын неудачника, счетовод, человек без боевой магии — что я забыл в этом храме науки?

Ответ пришёл сам собой: я здесь, чтобы спасти свой род. И я точно ничем не хуже этих... Слово мне подобрать так и не удалось.

Я глубоко вздохнул, поправил сюртук, проверил, на месте ли перстень дяди, и направился ко входу.

У дверей стоял привратник — пожилой маг в простой серой мантии, с лицом, изрезанным морщинами. Он окинул меня внимательным взглядом и преградил путь рукой.

— Ваше дело? — спросил он без особого почтения.

— Мне нужен архив, — сказал я. — Архив магических договоров и судебных прецедентов.

— Архив, — привратник хмыкнул. — Документы?

Я протянул ему родовое свидетельство и перстень. Он изучил первое, повертел в руках второе, посмотрел на меня поверх очков.

— Канцлер, значит. Из тех, что с боевыми жезлами?

— Из тех, что с пером, — ответил я.

Привратник усмехнулся, но как-то по-особому, без злости.

— Бывают и такие. Проходи. Архив — в восточном крыле, третий этаж. Спросишь хранителя Вольфганга. Скажешь, я пропустил.

— Спасибо.

Я шагнул внутрь.

И замер на пороге, поражённый величию открывшегося зрелища.

Пыль минувших лет

Академия встретила меня тишиной.

Не той тишиной, что бывает в пустом доме или ночном поле, — здесь она была особой, плотной, пропитанной знаниями и магией. Звуки шагов тонули в толстых ковровых дорожках, голоса доносились приглушённо, словно сквозь слой ваты, и даже собственное дыхание казалось чрезмерно громким.

Я стоял в вестибюле, задрал голову, и пытался осознать масштаб того, что меня окружало.

Потолок терялся где-то в вышине — говорят, архитекторы наложили специальное заклинание перспективы, чтобы своды казались бесконечными. По стенам, отделанным тёмным мрамором с золотыми прожилками, вились барельефы: великие маги прошлого, сцены битв, аллегорические фигуры, олицетворяющие разные школы волшебства. В центре зала возвышалась статуя Основателя — суровый старец с посохом в одной руке и раскрытой книгой в другой. Глаза его, выполненные из драгоценных камней, смотрели на входящих с таким выражением, будто он лично оценивал, достоин ли ты переступить порог его детища.

Я, судя по всему, достоин был.

— Вы так и будете стоять или всё-таки пойдёте? — раздалось сбоку.

Я обернулся. Рядом стоял молодой человек в студенческой мантии — тощий, длинноносый, с копной рыжих волос, торчащих в разные стороны. В руках он держал стопку книг, такую высокую, что она закрывала половину лица.

— Простите, засмотрелся, — сказал я. — Здесь действительно впечатляюще.

— Привыкнете, — студент хмыкнул, перехватывая книги поудобнее. — Первый раз тут, что ли?

— Первый.

— Тогда держитесь восточного крыла и не сворачивайте в западное. Там лаборатории алхимиков, и если у них сегодня эксперименты с летучими составами, можете выйти оттуда синим. Или без бровей. Или вообще не выйти. Тут как повезёт.

Я невольно покосился в сторону западного коридора. Оттуда и правда доносилось какое-то глухое бульканье и периодические вскрики.

— Спасибо за предупреждение.

— Не за что. — Студент уже двинулся дальше, но на полпути обернулся. — Кстати, если в восточном крыле заблудитесь — ищите лестницу с драконьими головами на перилах. Архив на третьем этаже, но вам, скорее всего, нужен четвёртый.

— Почему четвёртый?

— Потому что третий — это общий читальный зал для студентов. А если вы пришли с таким лицом, как сейчас, — значит, вам нужно что-то серьёзное, что лежит только в закрытом фонде. А закрытый фонд — это четвёртый этаж. Или подвал. Но в подвал вас просто так не пустят.

Он скрылся за поворотом, оставив меня переваривать информацию.

Лицо у меня, значит, серьёзное. Интересно, что бы он сказал, узнай, что именно я ищу?

Я двинулся в восточное крыло, стараясь запоминать дорогу. Коридоры здесь были широкими, светлыми, с высокими окнами, выходящими во внутренний двор. Вдоль стен стояли шкафы с книгами — не запертые, открытые для всех желающих. Студенты сидели на подоконниках и прямо на полу, листая фолианты и делая пометки в тетрадях.

Атмосфера здесь мне нравилась. Такая тихая, деловая, без суеты. Люди занимались делом, и это чувствовалось во всём — в сосредоточенных лицах, в шелесте страниц, в едва слышном поскрипывании перьев.

Лестницу с драконьими головами я нашёл быстро. Чудовища были вырезаны из чёрного дерева, с глазами из янтаря и разинутыми пастьми, в которых, судя по всему, когда-то горели магические огни. Сейчас же огни погасли, и драконы выглядели скорее печальными, чем грозными.

Третий этаж встретил меня запахом бумаги и тишиной. Здесь было ещё тише, чем внизу, — даже шаги стелились по полу беззвучно. Я прошёл мимо читального зала, заглянул внутрь. Десятки людей склонились над книгами, и в зале стоял тот особый, едва уловимый гул, который возникает, когда много людей одновременно дышат, переворачивают страницы и изредка кашляют.

К четвёртому этажу вела отдельная лестница, и перед ней сидел человек.

Я сначала подумал, что это тоже студент, но, присмотревшись, понял: нет. Слишком старый. Лет шестьдесят, а то и больше. В простой серой одежде, с лицом, похожим на печёное яблоко — сморщенное, но всё ещё со здоровым румянцем. В руках он держал книгу, судя по корешку — многотомный труд по истории магических войн.

— Молодой человек, — сказал он, не поднимая головы. — Если вы ищете туалет, то он на втором этаже, рядом с буфетом.

— Я ищу архив, — ответил я.

— Архив на третьем. Вы прошли мимо.

— Мне нужен закрытый фонд.

Человек поднял голову. Глаза у него оказались неожиданно молодыми — живые, цепкие, с искоркой интереса.

— Вот как? И кто же вас надоумил?

— Студент внизу. Рыжий, длинноносый. Сказал, что на четвёртом этаже то, что мне нужно.

— А, Фридрих, — старик улыбнулся. — Вечно он суёт нос куда не надо. Ну проходите, раз Фридрих послал. Только предупреждаю: если вы ищете лёгкого чтения на ночь, у нас его нет. У нас только тяжёлое и скучное.

Я достал из кармана перстень дяди и протянул ему.

Старик взял перстень, повертел в пальцах, поднёс к глазам, потом к свету. Нахмурился, постучал ногтем по гербу.

— Канцлеры, — сказал он задумчиво. — Боевой род. А вы, стало быть, из тех, кто с пером?

— Из тех, — подтвердил я. — Эмиль фон Канцлер, к вашим услугам.

— Хранитель Вольфганг, — старик кивнул и вернул перстень. — Слышал я о вашем роде. И о вашем отце тоже слышал, Эмиль. Жаль его..

У меня внутри что-то ёкнуло.

— Вы знали моего отца?

— Лично нет, но слышан. Он здесь работал когда-то, в нашем архиве. Лет двадцать назад. Хорошая была работа, аккуратная. Я тогда ещё в общем зале сидел, но записи остались. — Вольфганг внимательно посмотрел на меня. — Вы на него похожи. Только он постарше был, когда приходил. И грустнее.

Я промолчал. Отец всегда был грустным. Сколько я его помнил — грустным. Даже когда улыбался.

— Что ищете? — спросил Вольфганг, поднимаясь. Книгу он закрыл, заложив пальцем страницу — видимо, не хотел терять место.

— Прецеденты. Судебные дела, связанные с оспариванием договоров по процессуальным нарушениям. Конкретно — по процедуре подтверждения.

— Хм. — Вольфганг почесал нос. — Это вам не сюда. Это в подвал.

— Почему в подвал?

— Потому что все серьёзные дела, где замешаны родовые договоры и большие деньги, хранятся отдельно. На четвёртом — магические трактаты и исследования. А архивы судебных решений — они ниже, ближе к фундаменту. Чтобы, значит, земля держала. Магия там тяжёлая, да и бумаги старые, сырость им вредна, но у нас заклинания сохранности наложены, так что не волнуйтесь.

Он махнул рукой, приглашая следовать за ним.

Мы спустились обратно на третий этаж, прошли мимо читального зала, свернули в какой-то неприметный коридорчик, потом ещё раз, а после оказались перед дверью без таблички.

— Служебный вход, — пояснил Вольфганг. — Для посторонних закрыто, но вы с перстнем, значит, не совсем посторонний. Тем более отец ваш здесь работал. Пусть и давно.

Он достал связку ключей, выбрал нужный, повозился с замком. Дверь открылась с тяжёлым вздохом, будто не хотела пускать чужаков.

За дверью обнаружилась лестница. Узкая, крутая, каменная. Ступени стёрлись посередине — тысячи ног ходили здесь до нас.

— Осторожнее, — предупредил Вольфганг, зажигая магический светяк. — Перил нет, а ступени скользкие. Упадёте — я ваших костей не соберу. Хоронить вас тут негде, да и бумаги потом от крови оттирать замучаешься, так что тело оставлю на лестнице.

Я усмехнулся. Чувство юмора у хранителя было своеобразное, но мне оно почему-то нравилось.

Лестница уходила вниз на два пролёта, потом ещё на два. Я сбился со счёта, когда мы наконец остановились перед массивной металлической дверью, украшенной рунами.

— Подвал, — объявил Вольфганг. — Первый уровень. Тут самые старые документы, до Имперской реформы. Вам какой период нужен?

— Лет двадцать назад. Или чуть больше.

— А, тогда не сюда. — Он развернулся и повёл меня дальше по коридору. — Двадцать лет назад — это второй уровень. Там всё новое, чистое, разложено по полочкам. У нас тут своя система: чем древнее, тем глубже. На третьем уровне уже свитки времен Основателя лежат, но туда без специального разрешения ректора не пускают. И без магической защиты. Там некоторые документы сами по себе артефакты, могут убить, если неправильно открыть.

— А вы там бывали? — спросил я, заинтересованный.

— Бывал, — Вольфганг кивнул. — Пять раз. Три раза чуть не умер. Хорошее было время.

Я решил, что подробности узнавать не буду. Магические контракты, особенно те, что существовали многие годы, часто обретали собственное сознание и превращались в могущественные артефакты, а потому лишь упоминание о них могло вызвать их интерес...

Второй уровень оказался светлее и просторнее. Здесь горели стационарные магические светильники, стены были выкрашены в светло-серый цвет, а вдоль коридоров тянулись стеллажи, уходящие вдаль, насколько хватало глаз.

— Ого, — вырвалось у меня.

— Да, масштаб впечатляет, — довольно сказал Вольфганг. — Тут у нас хранятся все судебные решения Имперского Магического Арбитража за последние сто лет. Каждое дело, каждая апелляция, каждый запрос. Миллионы страниц текстов. Если вы ищете иголку в стоге сена, вы попали по адресу.

Я представил себе объём работы и немного приуныл.

— И как тут искать?

— А вот это уже моя забота. — Вольфганг подошёл к небольшой тумбе у входа, открыл крышку. Под ней оказалась стеклянная пластина с бегущими огоньками — магический каталог. — Говорите, что вам нужно. Я попробую сузить круг.

— Мне нужны дела, связанные с оспариванием долгосрочных договоров. Конкретно — случаи, когда договор признавали недействительным из-за нарушения процедуры подтвержде-

ния. И наоборот — когда его признавали действительным, несмотря на нарушения, из-за фактического исполнения сторонами.

Вольфганг задумчиво почесал подбородок.

— Хм. Фактическое исполнение — это интересно. Это у нас называется «конклюдентные действия». Было несколько прецедентов. Дело купцов Гильдии ткачей против поставщиков шерсти, лет тридцать назад. Дело Вольдемара, вы про него, наверное, слышали?

— Слышал, — кивнул я. — Это как раз то, что нужно.

— Ну, Вольдемар у нас на четвёртом стеллаже, секция торговых споров. Аналогичные дела — рядом. Идёмте, я покажу.

Мы углубились в лабиринт. Вольфганг шёл уверенно, ориентируясь в этом бумажном море, как рыба в воде. Я старался запоминать дорогу, но быстро сбился — всё вокруг выглядело абсолютно одинаково.

— Вот, — хранитель остановился и указал на полку, заставленную толстыми папками. — Тут всё по торговым спорам. Вольдемар — в синей папке, номер 1147. Остальные — по цвету годов. Красные — двадцатые годы, зелёные — тридцатые, синие — сороковые. Вам нужны примерно те же, что и Вольдемар, да?

— Да, желательно.

— Тогда смотрите зелёные и синие. Там как раз период, когда процедура подтверждения менялась. Указ императора о новых стандартах вышел в тридцать третьем, так что дела после этого — самые интересные.

Я поблагодарил хранителя и принялся за работу.

Первый час я просто привыкал к языку.

Судебные документы Имперского Арбитража — это отдельный вид садо-мазохистического искусства. Витиеватые формулировки, архаичные обороты, ссылки на законы, которые отменили сто лет назад, и постоянные отсылки к прецедентам, о которых я никогда не слышал. Читать это было тяжело, но постепенно я начал понимать логику.

Дело Вольдемара оказалось и вправду интересным. Некий купец Вольдемар, торговец зерном, десять лет поставлял продукцию одному и тому же покупателю. Договора как такового не было — просто устная договорённость и регулярные платежи. Когда покупатель решил сменить поставщика, Вольдемар подал в суд. И выиграл. Суд постановил, что длительные отношения создают взаимные обязательства, даже если нет подписанной бумаги.

Я перечитал решение трижды, выписывая ключевые формулировки. «Фактические действия сторон», «отсутствие возражений в течение длительного срока», «признание обязательств путём исполнения». Всё это можно было применить к нашему случаю. Если Демидовы платили девятнадцать лет, значит, они признавали договор. А если признавали — значит, не имеют права теперь говорить, что он недействителен.

Но была и обратная сторона.

Я нашёл ещё несколько дел, где суд вставал на сторону тех, кто оспаривал договор. В одном из них — «Гильдия оценщиков против графа фон Штайница» — договор признали ничтожным именно из-за отсутствия ежегодного подтверждения. Граф пытался доказать, что платежи шли регулярно, но суд сказал: процедура есть процедура. Если в договоре чётко прописано, что нужно подтверждение, а его нет — договор не действителен.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на стеллажи.

Выходило, что наш случай — палка о двух концах. С одной стороны — прецедент Вольдемара в нашу пользу. С другой — фон Штайница в пользу Демидовых.

Всё будет зависеть от того, как подать дело. И от того, кто будет судить.

Я полез в папку с делом Штайница, чтобы выписать аргументы защиты. Граф, судя по документам, пытался доказать, что процедура подтверждения — формальность, а главное — это исполнение. Судья с ним не согласился, указав, что «формальности, закреплённые в дого-

воре, не могут игнорироваться сторонами, ибо они суть выражение воли сторон при заключении сделки».

Красиво сказано. Жаль, что не в нашу пользу.

Я сделал новую пометку: нужно искать дела, где судьи склонялись к приоритету фактических отношений над формальными. Такие, по идее, должны быть — правоприменительная практика никогда не бывает однородной.

Следующие два часа я провёл, перебирая папки. Глаза устали, спина затекла, в горле пересохло от пыли — несмотря на заклинания сохранности, старые бумаги пахли именно так, как должны пахнуть старые бумаги: сухостью, временем и чуть-чуть плесенью.

Так я нашёл ещё три дела, которые могли пригодиться. В одном — «Лесопромышленники севера против казны» — суд признал договор действительным, несмотря на отсутствие подписей, потому что стороны вели себя так, будто договор есть. В другом — «Наследники купца Брауде» — наоборот, признали недействительным, потому что одна из сторон намеренно уклонялась от подписания, вводя другую в заблуждение.

Третье дело было самым интересным. Там фигурировал магический контракт, заключённый между двумя родами — как и у нас. И в нём была точно такая же оговорка о ежегодном подтверждении. Стороны забывали её соблюдать лет десять, а когда одна из них попыталась разорвать договор, суд встал на сторону другой, указав, что «длительное молчание о нарушениях процедуры свидетельствует о согласии сторон с существующим положением дел и не может служить основанием для расторжения».

Вот оно!

Я перечитал решение несколько раз, выписал имя судьи, дату, номер дела. Это был идеальный прецедент. Прямо в нашу пользу. Если получится сослаться на него в Арбитраже, у Демидовых не останется шансов.

Посмотрел на часы — магический циферблат показывал половину шестого вечера. Я просидел в подвале почти пять часов. Пора было выбираться.

Я быстро собрал бумаги, сложил папки обратно на полки — Вольфганг предупредил, что порядок тут строгий, и если я что-то положу не туда, искать потом будут неделями. Проверил, всё ли на месте, и направился к выходу.

Вольфганга я нашёл на первом уровне, у той самой металлической двери. Он сидел на табуретке и читал книгу — ту самую, что держал в руках при нашей встрече.

— Нашли что искали? — спросил он, не поднимая головы.

— Кажется, да. Спасибо вам огромное.

— Не за что. Работа у меня такая — помогать ищущим. — Он поднялся, заложил книгу пальцем — опять та же страница, я заметил. — Проводить до выхода?

— Не стоит, я запомнил дорогу.

— Ну смотрите. Если что — обращайтесь. Я тут почти всегда. Кроме воскресений — по воскресеньям я в бане и предпочитаю общество прекрасных девиц.

Я улыбнулся, поблагодарил ещё раз и двинулся к лестнице.

Подъём оказался тяжелее спуска — ноги гудели, в голове шумело от усталости и переизбытка информации. Но на душе было легко. Я нашёл то, за чем пришёл. Оставалось только правильно оформить документы и...

Я вышел из здания Академии и тут же понял: что-то не так.

Вечерний воздух пах дождём и городской пылью. Фонари уже зажглись, отбрасывая на мостовую жёлтые круги света. Людей на улице поубавилось, но всё ещё было достаточнолюдно.

И среди этих людей были те, кто не вписывался.

Я заметил их не сразу. Сначала просто краем глаза — двое мужчин, стоящих у колонны напротив входа. Один — коренастый, с окладистой бородой, второй — повыше, худой, с длинными руками. Оба в серых плащах с капюшонами, надвинутыми так, что лиц почти не видно.

Я пошёл в сторону Медной улицы, стараясь не ускорять шаг. Прошёл мимо книжной лавки, мимо лотка с пирожками, свернул в переулок.

Краем глаза заметил: двое в сером свернули следом.

Сердце забилося быстрее.

Я заставил себя не оборачиваться. Может, показалось? Может, им просто по пути?

Я свернул ещё раз, теперь уже в совсем узкий проулок между жилыми домами. Здесь фонарей не было, только тусклый свет из окон падал на булыжники.

Шаги сзади не стихали.

Теперь я слышал их отчётливо — двое, идут быстро, но стараются не шуметь. Профессионалы?

Я ускорил шаг. Впереди показалась арка, ведущая во двор — через неё можно было выйти на параллельную улицу. Я нырнул в арку, пробежал несколько шагов и замер в тени, прижимаясь к стене.

Секунды тянулись мучительно долго.

Они появились через полминуты — те же двое. Бородатый и длиннорукий. Вышли из переулочка, остановились, оглядываясь.

— Куда он делся? — спросил длиннорукий. Голос у него оказался высоким, почти женским.

— Не знаю, — ответил бородатый. — В арку, наверное. Проверим.

Они двинулись к арке. Я затаил дыхание.

Первый шаг. Второй. Третий.

Длиннорукий уже заглянул во двор и вдруг замер. Бородатый ткнул его в спину.

— Чего встал?

— Там кто-то есть, — прошептал длиннорукий. — Смотри, тень у стены.

Я понял, что они меня видят. Рванул вглубь двора, перепрыгнул через какие-то ящики, влетел в подворотню и выскочил на соседнюю улицу.

— Стоять! — заорали сзади.

Но я не стоял.

Я бежал так, как не бегал никогда в жизни. Папка с бумагами была по ноге, в боку кололо, перед глазамиплыли разноцветные круги, но я бежал. Сворачивал в переулочки, петлял между прохожими, нырял в арки и подворотни.

Город помогал мне — в этом районе было много старых, кривых улочек, где легко затеряться. Я петлял, пока не выдохся окончательно, и остановился только тогда, когда понял, что погони нет.

Прислонился к стене какого-то дома, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Я прислушался — тихо. Только где-то вдалеке лениво лаяла собака да женщина звала детей ужинать.

Я перевёл дух и огляделся.

Вокруг был незнакомый район. Дома здесь стояли беднее, чем в центре, — облупленные стены, покосившиеся заборы, мусор на мостовой. Пахло кислой капустой и кошками.

Надо было выбираться.

Я пошёл наугад, стараясь держаться подальше от тёмных подворотен. Через полчаса блужданий вышел на улицу, которую узнал, — она вела прямо к Медной.

До трактира добрался без приключений.

Внутри «Старого писца» было тихо и сумрачно. Те же двое чиновников играли в шахматы, тот же студент корпел над книгой. Женщина в углу исчезла, на её месте сидел толстый мужик и пил пиво.

Я поднялся к себе в комнату, закрыл дверь на задвижку и только тогда позволил себе выдохнуть.

Сел на кровать, положил папку на колени, уставился в стену.
Демидовы...

Кто же ещё? Я только приехал в столицу, ни с кем не встречался, никому не рассказывал о своих делах. Но уже через несколько часов после посещения архива за мной следят.

Значит, у них там свои люди. Кто-то из служащих, кто-то, кто видит, кто приходит и что спрашивает. Может, сам Вольфганг? Нет, Вольфганг вряд ли. Он показался мне честным. Но кто-то из его подчинённых — вполне возможно.

Или они следили за Академией постоянно. Просто ждали, когда кто-то из Канцлеров проявит интерес к старым делам.

Я вспомнил дела, которые смотрел. Дело Вольдемара. Дело Штайница. То самое, третье, с идеальным прецедентом.

Если Демидовы узнают, что я нашёл этот прецедент, они постараются его уничтожить. Или меня... Второе явно попроще будет.

Я сжал папку крепче.

Завтра нужно идти снова. Работа ещё не окончена — нужно расширить доказательную базу для более твёрдой позиции в суде. Но теперь надо быть осторожнее. Может, зайти через чёрный ход? Или договориться с Вольфгангом, чтобы он вынес нужные дела в читальный зал, гделюдно и безопасно?

Я лёг на кровать, не раздеваясь. В голове крутились мысли, одна тревожнее другой.

Демидовы знают. Это плохо. Это значит, что у меня мало времени.

Но с другой стороны — если они уже следят, значит, они боятся. Боятся того, что я могу найти. Боятся потерять наши рудники и такие выгодные поставки по заниженным ценам...

А значит, я на верном пути.

Завтра утром я пойду в архив снова. И будь что будет.

Я закрыл глаза и провалился в тяжёлый, тревожный сон без сновидений.

Чужой среди своих

Утро в «Старом писце» началось с петушиного крика. Я забыл, что в столице держат живность прямо во дворах, и теперь этот пернатый будильник орал так, будто ему хвост прищемили дверью. Я перевернулся на другой бок, пытаюсь досмотреть обрывок сна, где Лиза в том самом тёмно-синем платье подавала мне ужин, но проклятый петух всё не унимался.

— Да чтоб тебя... — простонал я, зарываясь лицом в подушку.

Ткань пахла пылью и чужими духами. Вчерашняя погоня вспомнилась сразу, как только я открыл глаза, и это воспоминание тяжёлым свинцом осело в груди и отдалось противной дрожью в коленях. Я сел на кровати, прислушался. В коридоре было тихо, лишь где-то внизу жалобно позвякивала посуда да слышались приглушённые голоса.

Папка с документами всё также лежала под подушкой. Я вытащил её, проверил — всё на месте. Тот самый прецедент, дело, которое может спасти мой род, если, конечно, я доживу до того момента, когда смогу его применить.

Я слишком отчётливо помнил того бородатого и длиннорукого, их быстрые шаги за спиной, окрик «Стоять!»

Демидовы работали быстро. И грубо.

Это значило, что сегодня идти в архив обычным путём нельзя.

Я умылся ледяной водой в общей комнате — хорошо хоть, она была пуста в этот ранний час, — оделся и спустился вниз. В зале трактира было сумрачно и тихо. За стойкой дремал хозяин, уронив голову на сложенные руки. На столе у окна сидел тот самый студент, с книгой и кружкой остывшего чая. Видимо, он вообще никогда не спал.

— Доброе утро, — сказал я, проходя мимо.

Он поднял голову, узнал меня и почему-то нахмурился.

— Доброе, — буркнул он и снова уткнулся в книгу.

Я взял у сонного хозяина кружку горячего шоколада и булку, а после сел за дальний столик и принялся завтракать, обдумывая план действий.

Итак, что мы имеем? Демидовы знают, что я в столице. Знают, что я ходил в архив. Возможно, знают даже, что именно я там искал, если у них имеется в нём свой человек. Значит, сегодня они могут устроить засаду у входа в Академию. Или прямо в архиве. Или по дороге туда.

Но архив мне нужен. Нужно выписать ещё несколько дел, сделать копии, сформировать досье так, чтобы любой судья Магического Арбитража не мог усомниться в нашей правоте. И для этого мне нужен доступ к закрытому фонду.

Вольфганг!

Я вспомнил вчерашнего хранителя — его лукавые глаза, странное чувство юмора, привычку закладывать книгу пальцем на одной и той же странице. Он казался мне честным. Но кто знает, что он скажет сегодня, если за ним уже приходили люди с мандатом?

Люди с мандатом. Интересно, а настоящий ли у них был мандат?

Я допил шоколад, сунул булку в карман — на всякий случай, мало ли когда удастся поесть в следующий раз, — и вышел на улицу.

Утро в столице пахло дымом, свежим хлебом и лошадиным навозом. Вчерашний дождь смыл пыль с мостовой, и булыжники блестели в лучах неяркого солнца. Торговцы уже открывали лавки, зазывалы начинали свои утренние песнопения, а стража лениво патрулировала улицы, позёвывая и почёсываясь.

Я двинулся в сторону Академии, но не прямым путём, а окольными переулками. Вчерашняя погоня научила меня осторожности. Я петлял, останавливался, прислушивался, проверял, нет ли хвоста. Вроде бы никого не было...

За час я добрался до Академии с совершенно другой стороны, чем вчера. Вышел к служебному входу, который приметил ещё в первый день, — неприметная дверь в стене, обитой ржавым железом, рядом с мусорными баками.

Дёрнул ручку. Закрыто.

Я постучал. Тишина.

Постучал ещё раз, сильнее.

— Кого там демоны принесли? — раздалось из-за двери.

— Мне нужен хранитель Вольфганг, — сказал я в щель.

Дверь приоткрылась на толщину пальца. В щели блеснул глаз — мутный, невыспавшийся, но узнавший меня мгновенно.

— А, это вы, из Канцлеров — глаз принадлежал пожилому служителю, которого я видел вчера в вестибюле. — Вольфганг велел передать: если придёт тот молодой человек из Канцлеров, пусть идёт чёрным ходом к драконьей лестнице. Скажет пароль «пергамент».

— Пароль? — удивлённо и даже несколько ошеломлённо повторил я.

— Я сказал — пароль. На этом всё. — Служитель захлопнул дверь.

Я постоял, переваривая информацию. Пароль? Вольфганг, кажется, относился к своей работе с изрядной долей театральности. Или же ситуация была куда серьезнее, чем я думал.

Чёрный ход к драконьей лестнице я нашёл без труда. Это был узкий проход между двумя корпусами, заваленный какими-то ящиками и бочками. В конце его действительно была лестница — старая, чугунная, винтовая. И на перилах действительно сидели драконы. Маленькие, с курицу размером, чугунные, с выпученными глазами и разинутыми ртами.

В голову сразу пришли далеко не самые культурные воспоминания о истории одного героя и стае озабоченных гарпий, но я тут же отогнал похабные мысли прочь, глупо посмеиваясь.

Вскоре я уже поднялся на третий этаж, стараясь не дышать пылью. На площадке меня ждал Вольфганг.

Он стоял, прислонившись к стене, и курил длинную глиняную трубку. При моём появлении он не сдвинулся с места, только выпустил колечко дыма и посмотрел на меня поверх очков.

— Пергамент, — сказал я.

— Проходите, молодой человек, — он кивнул на дверь за своей спиной. — Только сразу предупреждаю: разговор будет неприятный.

Мы вошли в маленькую комнатку, заваленную книгами и свитками до самого потолка. Вольфганг жестом предложил мне сесть на единственный свободный стул, а сам устроился на груде фолиантов.

— Вчера после вас приходили люди, — начал он без предисловий. — Спрашивали, что вы искали.

У меня внутри похолодело.

— Кто?

— Двое. Один с бородой, второй — длинный, как жердь. Оба в серых плащах. — Вольфганг затянулся трубкой. — Сказали, что из канцелярии Арбитража. Показали мандат с печатью.

— И вы поверили?

Старик посмотрел на меня с укоризной.

— А у меня выбора нет, молодой человек. У них была бумага с печатью. Настоящей, между прочим. Уж я в печатях разбираюсь, сорок лет с ними работаю. Печать была подлинная. Мандат — нет.

— То есть?

— То есть, — Вольфганг выпустил дым, — мандат был оформлен как положено, все подписи на месте, дата стоит сегодняшняя, всё чин чинарём. Только вот номер дела, по которому они запрашивали информацию, — я потом проверил — не существует. И канцелярия

Арбитража, где он якобы выдан, работает только с обеда. А они пришли утром. Вроде мелочь, а для тех, кто понимает, — верный признак липы.

Я выдохнул. Не то чтобы с облегчением.

— И что вы им сказали?

— Правду, — спокойно пожал плечами Вольфганг. — Вы искали дела по процедуре подтверждения договоров. Дело Вольдемара, дело Штайница и ещё парочку. Это не секрет, любой студент из знатного рода может прийти и спросить то же самое.

— А про то, третье дело, — я понизил голос, — где стороны забывали подтверждать договор десять лет, а суд признал его действительным?

Вольфганг хитро прищурился.

— А про то дело я умолчал, мой юный друг. Во-первых, они не спрашивали конкретно. А во-вторых, оно лежит уже в другой секции, не в торговых спорах, а в семейных. Вряд ли они догадаются туда заглянуть. А в-третьих... — он помолчал, — вы мне понравились. И вас, как я вижу, учили хорошо.

У меня защипало в глазах. Я быстро моргнул, прогоняя наваждение.

— Спасибо, — сказал я хрипло.

— Не за что. — Вольфганг поднялся. — Что теперь? Те же дела будете смотреть? Я могу вынести их в общий зал. Тамлюдно, безопасно. Если ваши «друзья» сунутся туда, их быстро вычислят. А попытаются напасть... — Вольфганг зло ощерился. — Я не зря столько лет работаю особо опасными магическими договорами. И в общем зале действуют свои правила.

— Это было бы идеально. — Судорожно ответил я, пытаюсь не побледнеть под жутким взглядом хранителя.

— Тогда пошли. — Он загасил трубку о подошву башмака и сунул её в карман. — Только учтите: в общем зале нельзя делать копии магией, всё только от руки. И бумагу свою приносите. Казённая — для студентов, вам не дадут.

— У меня есть своя, спасибо.

— Тогда с Богом.

Следующие два дня превратились для меня в ад.

Я просыпался затемно, умывался ледяной водой, жевал булку на ходу и бежал в Академию. Вольфганг встречал меня у служебного входа, проводил в общий зал, где уже лежали стопкой заказанные мной дела, и оставлял мне их до самого закрытия.

Читальный зал на третьем этаже постоянно гудел, словно растревоженный улей. Десятки студентов и несколько пожилых учёных мужей сидели за длинными столами, склонившись над фолиантами. Воздух был тяжёлым от дыхания стольких людей и лёгкой магии светильников. Всюду пахло бумагой, чернилами и почему-то яблоками — какой-то студент принёс с собой целый мешок и теперь хрустел ими, не поднимая головы от книги.

Я же работал как одержимый.

Дело Вольдемара я перечитал трижды, выписывая каждую формулировку, которая могла пригодиться. Дело Штайница — дважды, чтобы понять логику противоположной стороны. Потом пошли дела помельче, но не менее важные. Какие-то купцы, какие-то гильдии, какие-то аристократы, судившиеся друг с другом десятилетиями. У каждого дела была своя история, свои аргументы и свои лазейки.

Я заполнял лист за листом. Почерк у меня всегда был мелким, убористым — отец говорил, что это экономит бумагу и время, — но тут я писал так, что глаза вылезали на лоб уже к полудню. Рука уставала, пальцы сводило судорогой, но я не останавливался.

Демидовы знают, что я здесь. У них есть люди в Академии. Если я не успею закончить досье раньше, чем они предпримут следующий шаг, всё будет зря.

На второй день, когда я уже переписывал десятое по счёту дело, ко мне подсел молодой человек в студенческой мантии. Я поднял голову и узнал Фридриха, того самого рыжего, что в первый день указал мне дорогу к архиву.

— Работаете? — спросил он, заглядывая в мои записи.

— Работаю, — ответил я сухо, прикрывая листы рукой.

— Не бойтесь, я не шпион. — Он усмехнулся. — Хотя знаете, говорят, вчера какие-то типы приходили, вами интересовались.

Я замер.

— Кто говорит?

— Да все говорят. — Фридрих пожал плечами. — В Академии свои сплетни, как в деревне. Служители языками чешут, студенты ушами хлопают. Вы уж извините, но вы тут фигура заметная. Одежда не студенческая, ведёте себя тихо, но целенаправленно. Таких тут все быстро примечают.

Я откинулся на спинку стула.

— И что обо мне говорят?

— Разное. — Фридрих понизил голос. — Кто-то говорит, что вы из тайной канцелярии, проверяете, не крадут ли студенты казённые книги. Кто-то — что вы пишете разоблачительный трактат о коррупции в Арбитраже. А кто-то судачит о том, что вы просто сумасшедший, потому что нормальный человек не будет сидеть в архиве по двенадцать часов в сутки, непрерывно используя магию.

Я невольно усмехнулся.

— А вы сами что думаете?

— Я думаю, — Фридрих посмотрел мне прямо в глаза, — что вы ищете что-то очень важное. И что люди, которые вами интересовались, — не из тайной канцелярии. Слишком грубые они для тайной канцелярии. Больше похожи на наёмников.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что я не люблю, когда чужаки суют нос в наши дела, — отрезал он. — Академия — это храм знаний. Здесь не место бандитам. Если они сунутся сюда, мы их встретим. У нас, знаете ли, тоже магия есть. Не боевая, конечно, но для защиты всегда хватит. А в случае чего за нас вступиться сам Вольфганг, понимаете...?

После этих слов он встал и ушёл, оставив меня в недоумении. Студенты, значит, готовы защищать свой храм знаний. И меня в придачу. Это было неожиданно и почему-то приятно.

К концу второго дня у меня было готово досье. Толстая папка, перевязанная бечёвкой, — в ней лежали выписки из трёх десятков судебных решений, каждое с пометками, комментариями и ссылками на аналогии с нашим случаем. Я перечитал свои записи в сотый раз и понял: это железобетонно. Даже самый придирчивый судья не сможет отвергнуть такую аргументацию.

Оставалось только вернуться домой и подготовить иск.

Я собрал бумаги, поблагодарил напоследок Вольфганга — он как раз зашёл проведать меня, — и вышел из Академии.

Вечер опускался на столицу мягкой синевой. Фонарики уже зажигали магические огни, студенты расходились по домам, лавки закрывались. Я шёл к Медной улице привычным маршрутом и вдруг понял, что ужасно голоден.

За два дня я питался только булками и шоколадом. Организм отчаянно требовал нормальной еды — горячей, сытной, и желательно с мясом.

Я завернул в первую попавшуюся таверну.

Она называлась «Весёлый кабан» и выглядела вполне прилично — чистая вывеска, свет в окнах, приятный запах жареного лука. Внутри оказалосьлюдно, но не слишком шумно. За

длинными столами сидели мастеровые, мелкие торговцы, пара студентов с кружками пива. В углу компания гномов играла в кости, громко ругаясь на своём гортанном наречии.

Я сел за свободный столик у стены, положил папку рядом — так, чтобы видеть её краем глаза, — и подозвал служанку.

— Что у вас есть? — спросил я, разглядывая меню, нацарапанное на грифельной доске.

— Суп гороховый, жаркое из кролика, пирог с мясом, — оттарабанила девушка. — Из выпивки — эль, пиво, медовуха.

— Жаркое и эль.

— Сейчас будет.

Она стремительно упорхнула, а я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Тело гудело от усталости, но в голове было удивительно ясно. Досье готово. Завтра утром — в дорогу. Послезавтра буду дома. А там...

— Господин Эмиль?

Я вздрогнул и открыл глаза.

Передо мной стоял человек. Пожилой, лет шестидесяти, с благородной осанкой и усталым лицом. Одет он был в дорогой, но сильно поношенный костюм — когда-то это был синий бархат, а теперь потёртый до блеска на локтях и коленях кусок тряпья. В руках он держал трость с серебряным набалдашником, на котором красовался герб, который я не разобрал.

— Простите, — сказал он, — я не ошибся? Вы Эмиль фон Канцлер?

Я напрягся. В столице меня никто не знал. Кроме, пожалуй, Демидовых и их людей.

— Кто вы? — спросил я осторожно, не двигаясь с места.

— Адриан фон Хаген, — представился старик и слегка поклонился. — Бывший судья Имперского Магического Арбитража. Ныне — никто.

Он горько усмехнулся и, не дожидаясь приглашения, сел за мой столик.

Я опешил от такой наглости.

— Простите, — сказал я, — мы не знакомы. И я не приглашал вас садиться.

— Знаю, — кивнул фон Хаген. — Но если я простою ещё минуту, упаду от голода. А есть мне не на что.

Я посмотрел на него. Действительно, старик выглядел измождённым. Под глазами залегли тени, щёки впали, руки, лежащие на трости, слегка дрожали.

— Вы хотите, чтобы я вас накормил? — Мягко уточнил я.

— Я хочу, чтобы вы меня выслушали, — ответил он. — А накормите вы меня или нет — уже ваше дело. Но если накормите, я буду вам признателен.

Тут подошла служанка с моим жарким и кружкой эля. Она с недоумением посмотрела на фон Хагена, потом на меня.

— Ещё один прибор, — сказал я. — И такое же жаркое.

Старик благодарно кивнул.

— Спасибо. Я ваш должник.

— Пока нет. Сначала скажите, что вам нужно.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил, глядя куда-то в сторону:

— Вы копаете под Демидовых. Я знаю это точно. У меня в Академии есть знакомые, они видели вас в архиве, слышали, что вы спрашивали. Вольфганг, кстати, старый мой приятель, словечко обронил.

Я нахмурился.

— Допустим. И что с того?

— А то, — фон Хаген перевёл на меня взгляд, — что вы зря тратите время. Вам не одолеть Демидовых не победить в суде.

— Почему?

— Потому что суд — это не про правду, молодой человек. Суд — это про деньги, связи и влияние. А у Демидовых этого добра навалом. Они купят любого судью. Они купят хоть весь состав Арбитража, если понадобится. И вы останетесь ни с чем, да ещё и с долгами в придачу.

Я задумался. То, что говорил старик, не было для меня новостью. О коррупции в Арбитраже уже давно ходили легенды. Но у меня был прецедент, была железобетонная аргументация...

— Если вы пришли меня запугать, — ответил я холодно, — то зря. Я не из пугливых.

— Я пришёл не пугать, — покачал головой фон Хаген. — Я пришёл предложить помощь.

— Помощь?

— Да. — Он подался вперёд. — Я знаю все слабые места Демидовых. Я знаю, на каких судей можно давить, а каких нужно обходить. Я знаю их финансовые махинации, их тёмные делишки, их... скажем так, неосторожные связи, если вы понимаете, о чём я. Десять лет назад они меня разорили. Выиграли процесс, в котором правда была на моей стороне. Просто потому, что у них было больше денег на взятки.

Он говорил спокойно, без надрыва, но в глазах его горела такая лютая ненависть, что мне стало не по себе.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю свои знания. Бесплатно. Мне ничего от вас не нужно, кроме одного — чтобы Демидовы проиграли. Чтобы они хоть раз в жизни почувствовали, каково это — когда тебя раздевают догола и пускают по миру.

— Вы хотите отомстить.

— Я хочу справедливости, — поправил он. — Но если справедливость совпадает с местью — тем лучше.

Я молчал, переваривая услышанное. Слишком всё это было вовремя. Слишком удачно. Старик появляется именно тогда, когда мне нужен кто-то, знающий внутреннюю кухню Арбитража. Не западня ли?

— Откуда вы узнали, что я здесь? — спросил я.

— Следил, — честно признался фон Хаген. — Третий день сижу в трактире напротив Академии. Ждал, когда вы выйдете. Сегодня дождался.

— И давно вы за мной следите?

— С того самого дня, как Вольфганг сказал мне, что какой-то Канцлер роется в старых делах по процедуре подтверждения. Я не чужой человек в высших кругах и знаком с местной кухней, а потом сразу понял — это против Демидовых. Потому что только у них с Канцлерами такой дурацкий договор, который никто не удосужился переподписать двадцать лет.

Я вздрогнул.

— Вы знаете про договор?

— Знаю. — Старик горько усмехнулся. — Я его когда-то видел. Я тогда ещё судьёй был, и ко мне приходили консультироваться по поводу пролонгации. Сказали, что всё в порядке. А я посмотрел и сказал: ребята, вы через пять лет попадёте. Потому что выйдет указ о новых стандартах, и ваши старые подписи перестанут что-либо значить. Но они не послушали. Решили, что я просто вымогаю деньги за консультацию.

— И что было дальше?

— А дальше они наняли другого юриста, который сказал, что всё хорошо. И проиграли. Не Канцлеры, нет, не ломайте голову. То было другое дело. Но я тогда задумался и просчитал, что у Демидовых с Канцлерами та же проблема. И запомнил. На всякий случай.

Он замолчал. Служанка принесла жаркое, и старик набросился на еду с такой жадностью, что я невольно отвернулся. Видимо, голоден он был не на шутку.

Я же упрямо смотрел в потолок и думал. Всё, что он говорил, звучало правдоподобно. Слишком много деталей для лжи, состряпанной на коленке. И если бы он был подослан Деми-

довыми, вряд ли стал бы так явно высказывать ненависть к ним — среди родов это было высшая степень пренебрежения и неуважения. Ни один наёмник не рискнёт так оскорбить своих заказчиков. Или, наоборот, это может быть тонкая игра...

— Допустим, я вам верю, — сказал я, когда старик отодвинул пустую тарелку. — Что дальше?

— Дальше вы даёте мне посмотреть ваше досье. Я говорю, что в нём слабого, а что сильного. Потом я рассказываю вам о нынешних судьях — кто честен, кто продажен, кто боится скандалов, а кто, наоборот, их любит. И потом мы вместе думаем, как подать иск так, чтобы он попал к нужному человеку.

— И всё это бесплатно?

— Бесплатно, — подтвердил он. — Мне нужен только результат.

Я помолчал. Потом пододвинул к нему папку, незаметно закладывая в неё основу проклятия. На всякий случай.

— Смотрите.

Фон Хаген взял папку с такой бережностью, будто это был хрустальный сосуд. Развязал бечёвку, углубился в чтение.

Я наблюдал за ним. Минута шла за минутой. Старик перелистывал страницы, иногда останавливался, перечитывал что-то, кивал, хмыкал, один раз даже присвистнул. Наконец он закрыл папку и поднял на меня глаза. В них я разглядел неподдельное уважение.

— Хорошая работа, — сказал он. — Очень хорошая. Я бы сказал, даже блестящая. Вы нашли именно то, что нужно. Дело Штайница — это наш главный козырь. Если судья не полный идиот, он поймёт, что ваш случай — прямое попадание под прецедент.

— Но? — спросил я, чувствуя подвох.

— Но, — кивнул фон Хаген. — Но есть одно но. Дело Штайница слушал судья Мюллер. Он уже старый, на пенсии. А те судьи, что сейчас заседают в Арбитраже, могут и не знать этого прецедента. Или сделать вид, что не знают. Им нужно будет объяснить его. И объяснять так, чтобы они не могли отвертеться.

— И как это сделать?

— Нужно подавать иск не в общую канцелярию, а через специальный запрос на применение прецедента. Это сложная процедура, но она заставляет судью изучать предыдущие решения. Если запрос оформлен правильно, у него не будет выбора.

— Вы сможете помочь с оформлением?

— Смогу. — Он улыбнулся впервые за весь разговор. — Я этим тридцать лет занимался. Только учтите: как только вы подадите иск, Демидовы узнают об этом. У них везде глаза. И тогда начнётся уже настоящая война.

— Я готов.

— Вы не поняли, — покачал головой фон Хаген. — Не вы готовы. А ваш род? Ваш дядя? Ваши кузены, которые только и умеют, что жечь дорогие расходники? Они готовы к тому, что их будут давить не только в суде, но и на улице, в бизнесе, в личной жизни? Демидовы не остановятся ни перед ничем.

Я вспомнил вчерашнюю погоню. Вспомнил бородатого и длиннорукого. Вспомнил, как они гнались за мной по тёмным переулкам.

— Мой род, — сказал я твёрдо, — уже в этой войне. Они просто пока не знают.

— Хорошо. — Фон Хаген допил остатки эля из моей кружки — я не стал возражать. — Тогда завтра встречаемся здесь же. Я принесу черновик запроса. Вы посмотрите. Если вас всё устроит — подаём.

Он встал, опираясь на трость. Теперь, при свете ламп, я увидел, насколько же он стар и болен. Его руки тряслись, ноги еле держали немощное тело.

— Где вы живёте? — спросил я.

— В ночлежке на набережной, — ответил он равнодушно. — Там дёшево. И крысы не очень кусаются.

— Послушайте, — я достал кошель, отсчитал несколько золотых. — Возьмите. Снимите приличную комнату. Купите еды. Я не хочу, чтобы мой главный союзник умер от голода и болезни ещё до того, как мы выиграем дело.

Он посмотрел на деньги. Потом на меня. В глазах его блеснуло что-то, похожее на слезу, но он быстро сморгнул.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Я верну. Не деньгами — так делом. Клянусь вам.

Он взял золото, спрятал его в карман и вышел, слегка пошатываясь.

Я остался один. Жаркое давно остыло, эль выпил старик. Я сидел и смотрел в одну точку, пытаюсь осмыслить всё, что произошло.

Новый союзник. Опасный, злой, и явно очень умный. Связанный со мной общей ненавистью к Демидовым. Или, возможно, это ловушка. Но если ловушка — то слишком сложная. Слишком много деталей. Слишком много правды в его глазах. Куда проще было бы уничтожить дело, сразу как я его отдал ему в руки.

Я решил довериться интуиции. И она говорила: этот человек не врёт.

Я расплатился за ужин, забрал папку и вышел на улицу.

Ночь окутала столицу сырым холодом. Фонари горели тускло, где-то вдалеке пели пьяные студенты, пахло дымом и речной водой. Я шёл к «Старому писцу» и думал о том, что завтрашний день может стать поворотным в судьбе моего рода.

Или в моей собственной смерти.

В переулке, где я обычно срезал путь к Медной, мелькнула тень. Я замер, вглядываясь в темноту. Нет, показалось. Наверное.

Я ускорил шаг.

До трактира добрался без приключений. Поднялся в свою каморку, запер дверь, положил папку под подушку и рухнул на кровать.

Сон снова пришёл мгновенно. Всё такой же тяжёлый и без картинок.

А утром началась новая жизнь.

Я проснулся от стука в дверь. Сердце ухнуло куда-то вниз, рука машинально нащупала папку под подушкой — на месте.

— Кто? — спросил я хрипло.

— Господин, вам письмо, — раздался голос трактирного мальчишки.

Я открыл. Мальчишка протянул конверт — простой, без герба, запечатанный сургучом. Я разломил печать, развернул.

«Встречаемся в полдень у фонтана на Рыночной площади. Приходите один. Если приведёте хвост — сделка отменяется. Фон Хаген».

Я перечитал дважды. Странно. Вчера мы договаривались встретиться в «Весёлом кабане». Почему он вдруг сменил место?

Что-то кольнуло внутри. Осторожность, въевшаяся в кровь за последние дни, забила тревогу.

Я оделся, спустился вниз, взял кружку шоколада и сел в углу, наблюдая за входом. Прошло полчаса. Ничего подозрительного. Обычное утро, обычные люди.

Я вышел чёрным ходом.

Фонтан на Рыночной площади я нашёл быстро. Это было огромное сооружение из белого камня, украшенное фигурами морских коней и русалок. Вода била вверх мощными струями, создавая вокруг облако влажного тумана.

Я остановился в тени торговых рядов, наблюдая. Людей вокруг было много — торговцы, покупатели, зеваки. Старика нигде не было видно.

Я ждал.

Через полчаса к фонтану подошёл мальчишка — тот самый, что принёс письмо. Он огляделся, увидел меня и направился прямо ко мне.

— Господин, — сказал он, запыхавшись, — вам велели передать, что встреча переносится. В «Старый маяк», это трактир у реки. Там вас будут ждать.

— Кто велел?

— Да тот же дедушка, что вчера письмо давал. Сказал — срочно.

Мальчишка убежал. Я стоял и думал.

Фон Хаген явно играл в шпионские игры. Или это не фон Хаген. Или он под контролем. Или...

Я решил идти. Но осторожно.

«Старый маяк» оказался трактиром для речников и грузчиков — грязным, шумным, прокуренным до черноты. Я вошёл, огляделся. В глубине зала, за дальним столиком, сидел фон Хаген. Один.

Я подошёл, сел напротив.

— Что за игры с местами встреч? — спросил я без предисловий.

— Тише, — он прижал палец к губам. — За мной следят. Я заметил вчера, когда возвращался в ночлежку. Двое в серых плащах. Те самые, что приходили в архив.

У меня похолодело внутри.

— Вы уверены?

— Уверен. Я старый лис, меня не проведёшь. Пришлось петлять, бегать. Еле оторвался. И вправду. Он выглядел ещё хуже, чем вчера — бледный, с тёмными кругами под глазами, и руки тряслись сильнее.

— Вы принесли запрос? — спросил я.

— Принёс. — Он вытащил из-за пазухи сложенный лист и протянул мне. — Вот. Посмотрите. Если всё правильно — завтра подаём.

Я развернул бумагу, углубился в чтение.

Это было красиво. Юридически безупречно, стилистически выверено, с ссылками на все нужные прецеденты и статьи кодекса. Фон Хаген явно знал своё дело.

— Замечательно, — сказал я, дочитав. — Абсолютно замечательно.

— Тогда завтра утром идём в канцелярию, — он понизил голос. — Я знаю, в каком окошке принимают документы, чтобы они попали к нужному секретарю. Это важно.

— Хорошо.

— И ещё, — он помялся. — У меня к вам просьба.

— Какая?

— Можно я с вами поеду? В ваше поместье? — Он посмотрел на меня с мольбой. — Здесь мне оставаться нельзя. Они меня найдут. И убьют. Я слишком много знаю. А у Канцлеров... у вас там стены крепкие, люди с оружием. Я мог бы быть полезен. Консультировать вас по ходу дела, если возникнут вопросы.

Я задумался. Взять с собой в поместье малознакомого человека, бывшего судью, разорённого Демидовыми? Рискованно. С другой стороны, знания его бесценны. И если он действительно под ударом...

— Хорошо, — сказал я. — Едем вместе. Завтра после подачи документов — сразу в дорогу.

Он выдохнул с таким облегчением, что я понял: боялся он не на шутку.

— Спасибо, — прошептал он. — Вы не пожалеете.

Мы вышли из трактира разными дверями. Я — через чёрный ход, он — смешался с толпой грузчиков на пристани. Договорились встретиться завтра у здания Арбитража ровно в восемь утра.

Я возвращался в «Старого писца» окольными путями, постоянно оглядываясь. Город давил на меня своей тяжестью, своими запахами, своими опасностями. Хотелось домой. В тишину родового особняка, к бумагам, к привычному запаху чернил и пыльных папок.

И, если честно, к Лизе.

Я поймал себя на этой мысли и удивился. Среди всех забот, среди смертельной опасности, среди юридических хитросплетений — вдруг всплыл её образ. Тёмно-синее платье, выбившийся из-под чепца локон, пухлые губы, улыбка...

— Дурак, — сказал я себе вслух. — Совсем дурак.

Прохожие обернулись. Я стыдливо ускорил шаг.

В номере меня ждал сюрприз.

На столе, придавленная камнем, лежала записка. Я не запираю дверь — замок здесь был чисто символический. Кто-то вошёл и оставил послание.

Я развернул бумагу. Одна фраза:

«Убирайся, пока жив».

Почерк был грубым, явно писал человек, не привыкший держать перо в руках.

Я скомкал записку, сунул в карман. Потом подумал и достал, перечитал ещё раз. Нет, никакой магии, обычная бумага, обычные чернила. Угроза.

Значит, они знают, где я живу. Значит, могут прийти ночью.

Я посмотрел на окно — узкое, на третьем этаже. Через него не пролезть. Дверь — хлипкая, но запереть можно. А можно не спать.

Я достал из саквояжа отцовский амулет — слабенький, но на один сигнал тревоги хватит. Привязал к двери тонкую нить, второй конец зажал в кулаке. Если дверь откроется, нить натянется, амулет пискнет.

Лёг, не раздеваясь. Папка — под подушку, рука — на папку.

Сон никак не шёл ко мне...

Я думал о завтрашнем дне. О подаче иска. О фон Хагене. О Демидовых. О том, что, возможно, завтра вечером буду уже в дороге, подальше от этой проклятой столицы.

А ещё я думал об отце.

Что бы он сказал, увидев меня сейчас? Испуганного, запершегося в дешёвом трактире, с амулетом на двери и папкой под подушкой? Похвалил бы за осторожность? Или посмеялся бы над трусостью?

Я вспомнил его лицо, когда он в последний раз говорил со мной. Уже больной, уже понимающий, что уходит, он смотрел на меня и улыбался.

— Не бойся, Эмиль, — сказал он тогда. — Мир не делится на сильных и слабых. Мир делится на умных и глупых. Умные всегда побеждают. Потому что они умеют ждать.

Я ждал. И готовился.

Ночь прошла без происшествий. Амулет не пискнул, дверь не открылась.

Утром я встал разбитый, но собранный. Умылся, оделся, перепроверил документы. Папку с досье и запросом фон Хагена уже привычно прижал к груди.

Внизу, в трактире, меня ждал завтрак — хозяин, видимо, запомнил мои привычки. Я быстро проглотил кашу, запил её шоколадом и вышел на улицу.

Город просыпался. Солнце золотило крыши, лавочники открывали ставни, извозчики выводили лошадей. Я шёл к зданию Арбитража и чувствовал, как с каждым шагом напряжение растёт.

Здание Имперского Магического Арбитража находилось в самом центре, на Главной площади. Это была мрачная громада из серого камня, с колоннами, барельефами и огромными дубовыми дверями. Перед входом всегда толпился народ — просители, адвокаты, курьеры.

Фон Хагена я увидел сразу. Он стоял у колонны, кутаясь в потёртый плащ, и зябко поводил плечами.

— Всё в порядке? — спросил я, подходя к нему.

— Да. — Он кивнул на здание. — Идёмте. Только не отставайте и ни с кем не разговаривайте.

Мы вошли.

Внутри было сумрачно и торжественно. Высокие своды, мраморные полы, статуи богинь правосудия с завязанными глазами. Вдоль стен — скамьи для посетителей, на скамьях — люди с такими же папками, как у меня.

Фон Хаген уверенно повёл меня по коридорам. Остановился у маленького окошка в стене, почти незаметного среди массивных дверей.

— Здесь, — шепнул он. — Секретарь Мюллер. Он мой... старый знакомый. Дайте мне запрос.

Я протянул бумагу. Он постучал в окошко. Оно открылось, показалось молодое веснушчатое лицо.

— А, герр фон Хаген, — удивился секретарь. — Вы ещё живы?

— Как видите, Мюллер. Вот документ. Нужно подать по особой процедуре, с пометкой о прецеденте.

Секретарь взял бумагу, пробежал глазами, присвистнул.

— Серьёзная заявка. Вы уверены?

— Уверен.

— Хорошо. — Секретарь поставил какую-то печать, что-то записал в книгу. — Через три дня будет назначен судья. Приходите узнавать.

— Спасибо.

Мы отошли от окошка. Фон Хаген выдохнул.

— Всё. Теперь ждать.

Я кивнул. Сердце колотилось уже где-то в горле от нервов. Сделан первый шаг. Самый важный.

— Теперь едем, — сказал я. — В поместье.

— Едем, — согласился он.

Мы вышли из Арбитража. Солнце уже поднялось выше, площадь заполнилась народом. Где-то играла музыка, пахло жареными каштанами, смеялись дети.

А я думал о том, что через несколько часов буду далеко отсюда. В безопасности. Или хотя бы в относительной безопасности — тут как посмотреть.

Фон Хаген шёл рядом, чуть пошатываясь, но стараясь держаться прямо. Старый, больной, разорённый — и всё же полный решимости.

— Герр фон Хаген, — сказал я, — вы действительно верите, что мы победим?

Он остановился, посмотрел на меня. В глазах его горел тот же огонь, что и вчера.

— Я знаю, что мы победим, — ответил он. — Потому что правда на нашей стороне. А правда, если её правильно подать, всегда побеждает.

Мы пошли дальше. К трактиру, к экипажу, к дому.

К новой битве.

Гонец с того света

Дорога за окном экипажа тянулась унылым серо-зелёным полотном. Те же поля, те же перелески, те же деревеньки с покосившимися заборами — всё это мелькало и мелькало, сливаясь в однообразную ленту, от которой уже начинало рябить в глазах. Я сидел, прижимая к груди папку с досье, и чувствовал, как напряжение последних дней понемногу отпускает меня. Впереди — дом, тишина кабинета, привычный запах чернил и старых бумаг. И, если честно, тёплый ужин и возможность выспаться в собственной постели.

Фон Хаген дремал напротив, уронив голову на грудь и слегка похрапывая. Во сне он выглядел ещё более старым и беспомощным — морщинистое лицо, впалые щёки, седые волосы, растрёпанные и грязные. Я поймал себя на мысли, что впервые за много лет везу домой не отчёт и не кипу новых договоров, а живого человека. Союзника. Или, возможно, обузу — это покажет время.

Экипаж подпрыгнул на особо крупном камне, фон Хаген всхрапнул, открыл один глаз, мутно посмотрел на меня и снова заснул. Я усмехнулся. Старик явно не высыпался годами, если мог спать в такой тряске.

За окном начало темнеть. Ефрем, наш кучер, обещал к ночи добраться до постоянного двора «Три весёлых гнома» — того самого, где я останавливался по пути в столицу. Там можно будет сменить лошадей, перекусить и, возможно, поспать пару часов на нормальной кровати.

Я откинулся на сиденье и прикрыл глаза. Мысли текли лениво, как патока.

Демидовы. Договор. Арбитраж. Фон Хаген. Лиза...

Стоп. Я снова поймал себя на том, что думаю о ней. О том, как она улыбалась, подавая ужин. О том, как кусала губу, ожидая ответа. О том, как вчера, в какой-то глупый миг, представил, что приеду домой, а она встретит меня в том самом тёмно-синем платье, и...

— Тьфу ты, — сказал я вслух.

Фон Хаген дёрнулся во сне, что-то пробормотал и снова затих.

Я устался в окно, стараясь думать о чём-нибудь нейтральном. Например, о том, как буду оформлять исковое заявление. Или о том, как Варгус отреагирует на мои находки. Или о том, что Рихтер, наверное, уже успел спалить ещё пару кристаллов и теперь ходит с виноватым видом...

Внезапно лошади истошно заржали. Экипаж дёрнулся, накренился и резко остановился. Я едва успел схватиться за поручень, чтобы не слететь на пол. Фон Хаген проснулся мгновенно — глаза его распахнулись, рука метнулась к поясу, будто ища оружие, которого там не было.

— Что случилось? — спросил он хрипло.

— Не знаю.

Я высунулся в окно. Ефрем стоял на козлах, вытянувшись в струнку, и смотрел куда-то в небо. Лицо его, обычно невозмутимое, сейчас выражало смесь ужаса и благоговения.

— Господин Эмиль, — сказал он дрожащим голосом, — там это... того...

Я выбрался из экипажа и поднял голову.

В небе, медленно снижаясь, парил Сокол.

Но это был не обычный сокол. Птица сияла серебристым светом, отбрасывая на дорогу причудливые тени. Крылья её, полупрозрачные, светлые, разрезали вечерний воздух без единого звука. Глаза горели синим пламенем.

Фамильяр.

Раньше я видел таких только на картинках в отцовских книгах. Магические создания, привязанные к роду, — их могли создать только великие маги ценой части собственной души. У Канцлеров ещё был такой? Я и не знал...

Сокол описал круг над дорогой и камнем рухнул вниз, приземлившись прямо передо мной. Серебристое сияние погасло, и перед нами предстала обычная птица — крупная, с острым клювом и внимательными глазами. Обычная, если не считать того, что её оперение отливало металлом.

— Эмиль фон Канцлер, — произнесла птица человеческим голосом. Голос был низким, скрипучим, как у очень старого человека. — Я принёс весть от главы рода.

Фон Хаген, выбравшийся следом, присвистнул.

— Ничего себе у вас почта, — пробормотал он.

— Слушаю, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Канцлер приказывает тебе: слушай и запоминай. Отвечать не надо.

Сокол склонил голову набок, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом заговорил снова — и это был уже голос дяди. Усталый, злой, но твёрдый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.